

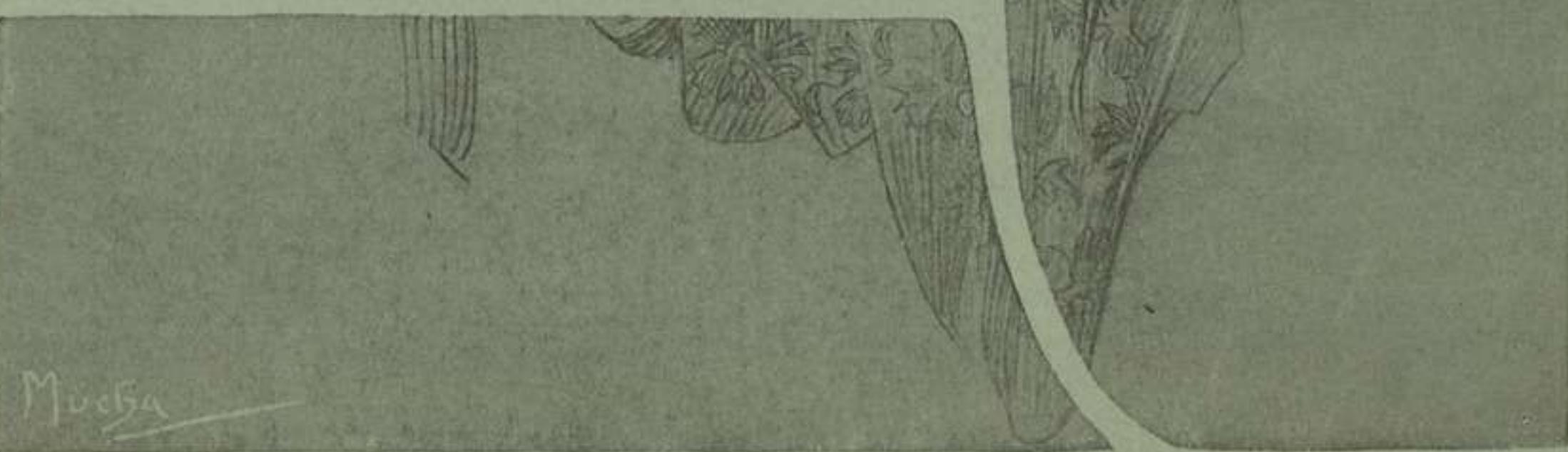

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ 1915 ГОДА

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

35

№ 14184

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 5-го (18-го) СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14184

НА ВОИНЪ ВЪ НОНЦЪ ЛЪТА.

Во ржи.

Рисов. А. Пржецлавский (участник войны).

Ген.-м. А. Н. БУНИНЬ.
Награждены орд. св. Георгия 4 ст.

Полковн. П. Н. КАРАУЛОВЪ.
Награждены орд. св. Георгия 4 ст.
и Георгиевский оружиемъ.

Другой Сережа.

І.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ тяжелаго безпамятства отъ большой дозы морфина, Андрей Михайлович попадалъ во власть какой-то мучительной полуви... Сникълся всегда одно и то же—«что-то» безконечное, надѣдливое, какъ случайно оставшійся въ памяти мотивъ, отрывокъ стихотворенія, пленчая незначительная фраза; это «что-то» настойчиво повторялось, оставалась неуловимымъ, утомляло и раздражало. Преодолѣть слабость воли, такъ легко теперь подчинившейся кошмару, отпугнулся, сосредоточить вниманіе на чёмъ-нибудь выгышнемъ, удавалось неиздого съ величайшимъ трудомъ...

Сейчасъ Андрей Михайлович открылъ глаза и тоскливо посмотрѣть вокругъ... Часы на столѣ передъ кроватью показываютъ четверть девятаго. Въ комнатѣ полумракъ, только черезъ прошивки спущенныхъ шторъ пробираются солнечные лучи, ласкаясь въ никелированныхъ столбикахъ крошки, разсыпавшись по полу

ярко-желтыми пятнами. Въ одномъ изъ дреи Михайловичъ все-таки встаетъ, претакихъ пятенъ сидѣть большая муха: возможна усталость, надо одѣваться, умыдѣльвиго чистить ногу обѣ ногу. Одно—взется, причесывается, затѣмъ выходить образно камаетъ вода въ раковину умы—въ кабинетъ. Тамъ сильно пахнетъ нафталаніка; съ улицы доносится чоканье талиномъ очень жарко и осѣпительно полосатый чехоль диванъ и закрываетъ лопастиныхъ конькы по мостовой, глухой светло, такъ какъ на лѣто съ оконъ уже глаза... Снова—то же раздражющее мелькотъ колесъ, ревъ и звонки трамвая... сняты занавѣски... Вставать незачѣмъ и не хочется, но Ан-морщась, опять садится на закутанный въ че полузабыть!

Новогеоргіевскій авиационный отрядъ, прорвавшійся изъ осажденной крѣпости передъемъ. Летчик пролетѣли 300 верстъ ночью въ туманѣ и, опустившись, доставили въ русскую армію штандарты крѣпости и секретные документы. Всѣ представлены къ ордену св. Георгія. Верхній рядъ: пор. Арсеньевъ, шт.-ротм. Свистуновъ, шт.-кап. Арсеньевъ, пор. Морачковскій. Средній рядъ: подпор. Вакуловскій, начальникъ отряда шт.-кап. Масальскій, шт.-кап. Козьминъ, шт.-ротм. Левотовъ. Нижній рядъ: пор. Владыкинъ, прал. Панкратовъ.

Шт.-кап. А. В. ЛАЗАРЕНКО.
Награждены орд. св. Георгия 4 ст.

бъ! И какъ
ть лѣтъ... А
нулась въ
нее, Андрей
гъ по лѣст-

о или выш-
лека, въ са-

ше недавно
! Бѣкъ, осо-
ль встрѣчать
красивую
мати... Ната-
зъ при встрѣ-

чининъ сего-
за, а дойдя до
 свободную
ился въ свой

я, что этотъ
полковникъ
здесь отдох-
ровья». При-

Михайловича

стаянъ, все
сиву голову
ными сѣдыми
брози сурою
ль нихъ итъ
передъ со-
ни ничего изъ

мнаго. И если,

ту чопорную
грогую вѣши-
ко глазамъ,

неумыслимыи
олица, средя
лодой травки,
ихъ же сѣ-
ния природа...

льваръ итъ
иетъ только
жъ, да сопро-
ничшыя... Из-
и проходж...

ь-мальчикъ съ
каждому:

рукамъ рези-

нанты. Сидѣть
тѣми, тѣ въ
журчить лицо
его чаше без-
ни о томъ, ка-
хъ хозяева, что
въ «вихряхъ»
онче жить по

янкими по-
.... Оттуда до-
прибаутки, пи-
ре препятствіе...

ихъ или фли-
среди собакъ и
ихъ, проход-
наслаждается

собственнымъ
содержаніемъ.

акъ хорошо и
къ въ тѣ ма-
мотрять стар-

ы не вырывы-
тець наизъ-
можно возиться

костюмчикъ,
расплющую козяв-
ь, слѣдить за

и потому бы-
рхъ подъ об-
но защекочать

Можно убѣ-
ни (этакъ скак-
смотрѣть бѣ-
то сердиты-
въ газету, или
баку, которую
горѣ, конечно,
кусается... А

Образъ Иверской Божией Матери въ церкви с. Рудовка, Сувалкской губ., разрубленный въ нѣ-
спокойныхъ мѣстахъ при занятіи Нѣмцами села.

еще лучше пробраться къ юбштѣ буль-
сиву голову
ными сѣдыми
брози сурою
ль нихъ итъ
передъ со-
ни ничего изъ

мнаго. И если,
ту чопорную
грогую вѣши-
ко глазамъ,

неумыслимыи
олица, средя
лодой травки,
ихъ же сѣ-
ния природа...

льваръ итъ
иетъ только
жъ, да сопро-
ничшыя... Из-
и проходж...

ь-мальчикъ съ
каждому:

рукамъ рези-

нанты. Сидѣть
тѣми, тѣ въ
журчить лицо
его чаше без-
ни о томъ, ка-
хъ хозяева, что
въ «вихряхъ»
онче жить по

янкими по-
.... Оттуда до-
прибаутки, пи-
ре препятствіе...

ихъ или фли-
среди собакъ и
ихъ, проход-
наслаждается

собственнымъ
содержаніемъ.

акъ хорошо и
къ въ тѣ ма-
мотрять стар-

ы не вырывы-
тець наизъ-
можно возиться

костюмчикъ,
расплющую козяв-
ь, слѣдить за

и потому бы-
рхъ подъ об-
но защекочать

Можно убѣ-
ни (этакъ скак-
смотрѣть бѣ-
то сердиты-
въ газету, или
баку, которую
горѣ, конечно,
кусается... А

Впрочемъ, ряды Нѣмцевъ пополняются.
Нарядно одѣтый мальчикъ, котораго няня
называетъ «Кока», сдѣлалъ какой-то
строевой промахъ, заспорилъ съ шустрымъ,
черноглазымъ «фельдфебелемъ», былъ при-
битъ, заревѣль и побѣжалъ въ польскій
лагерь, жаловаться своей пятѣ.. Та очень
вяло поддержала его словами:

— А ты не играй съ ними.. Ну ихъ
въ болото!

Затѣмъ сынъ сторожа, «казакъ», лихо
проскакалъ на одной ногѣ мимо непрія-
тельской скамейки и пропицалъ скорого
воркой:

Ябеда, доносчикъ,
Собакингъ извозчикъ!

Чѣмъ вызвалъ дружная овация всей
«роты».

Кока, надувъ губы, взобразился на
скамью рядомъ съ началь и оттуда жадно
слѣдилъ за маневрами русской арміи..

Дѣвочки тоже увлечены игрой. Опѣ—
«сестрицы», куклы—«раненые». Предме-
томъ особенной заботы всѣхъ сестрицъ яв-
ляется прaporщикъ Миша, которому
«пушкой оторвало ногу...» Мишу всѣ по
очереди перевязываютъ, даютъ ему невѣ-
роятное количество капель Иноземцева,
борной кислоты, мажутъ вазелиномъ..

їодомъ, и сестрица Соnia вспоми-
вала, что «нужно всыпнуть морфио
перенѣтъ и ждать съ замирающимъ сер-
дцемъ приближенія трамвая или горлаstra-
го, луноглазаго автомобиля...

Группа мальчиковъ постарше играетъ, дыха. Соnia говоритьъ, что у нея «раз-
конечно, въ войну... Всѣ вооружены, кто строились первы...» Дежурство кончено!
ружьями, саблями, а кто и просто палка. Всѣ сестрицы чинно усаживаются рядомъ
и досками. Нѣмцами никто не захо-
тѣтъ быть, даже оборванный, Богъ знаетъ комъ на одной скамье и, для поправленія
Потому всѣ играющіе—Русские, а Нѣм-
матерью разсмотриваютъ свои и сестѣс-
кевъ изображаютъ сидящія на скамьяхъ туалеты.

Къ ихъ «позиціямъ» преду-
мпаки. Къ ихъ «позиціямъ» преду-
мпаки. Къ ихъ «позиціямъ» преду-
мпаки.

— А ми пальто портнихъ маминъ ши-
трительно не приближаются, но зато отлу-
ла, — неонидано заявляетъ Соnia.

Всѣ ошеломлены и нѣкоторое время
молчаливо созерцаютъ твореніе «мамины
портнихъ». Первая находить
выходъ изъ создавшагося положенія сидящая съ краю худень-
кая сестрица въ блѣдомъ платьи-
и. Она неуپренно и не глядя
на остальныхъ говоритъ:

— А у насъ вчера было зна-
комый прaporщикъ.

— Но это никого не удивляетъ.

— Ишь невидаль, — прapor-

щикъ!

У всѣхъ есть знакомые и род-

въ польскомъ поселнѣ.

Около костела въ окнѣданіи молебна о ниспосланіи успѣховъ нашимъ войскамъ.

— Генералъ?

— Гм!.. Старый и съ бакенбар-
поручики, капитаны и полковники, есть да-
же генералъ (да еще раненый въ руку) и

дами.. и полоска на погонахъ не пра-
ма, а такая (чертить на пескѣ ломаную
лінію)..., а вотъ двѣ полоски по бокамъ,

такой «персоной», и хоть ея сittцевое
плате далеко неказисто, всѣ чувствуютъ
къ ней глубокое уваженіе, а побѣденная
Соnia шепчетъ сестѣкъ.

— Навѣрно врѣтъ!

— И лампасовъ на штанахъ итъ?
— Ну, такъ что жъ... Опѣ можетъ быть
прежнѣе надѣлъ: донашиваетъ.

— Ты спроси: онъ былъ на войнѣ и...
вообще поговори...

Фельдфебель перѣштально подходитъ
 pobliже и говорить, отъ волненія, бас-
комъ:

— Послушайте.. послушайте, что я
скажу. Вы были на войнѣ?

— Да ты погромче, онъ, можетъ быть,
не слышитъ,—издали ободрияетъ рядовой.

— Вы на войнѣ были? А?!. Вотъ Петя
должествующая изображать «судебный» говорить, вы раненый, а я говорю, не
костюмчикъ для аѣта», очевидно, поряд-
раненый, потому что нигдѣ не зава-
камъ стѣснить бѣднаго рядового, такъ нынѣ.. А?!

— Не слышитъ!

Мальчикъ подходитъ совсѣмъ близко,
глядываясь на переминающаго съ но-
ги на ногу Петю и, какъ бы почеснуть
въ этомъ зѣлицѣ новыя силы, дотраги-
вается до руки полковника.

— Вы не раненый? А?

БЫШЕНЦЫ.—У большой дороги.

Рис. съ натуры худ. П. Д. Шмарова.

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ, УѢХАШІЯ ВЪ ГЕРМАНІЮ ДЛЯ ПОСѢЩЕНІЯ ЛАГЕРЕЙ, ГДѢ СОДЕРЖАНИСЯ РУССІІ ВОЕННОПЛѢННІІ.

Кавалерівська дама Наталія Івановна ОРНЕВСКАЯ, рожд. княжна Шаховська.

Фрейлина Государыни Імператриць Параскевы Александровны КАЗЕМЬ-БЕНЬ.

Екатерина Александровна САМСОНОВА (жена генерала-эть-кавалеріи А. В. Самсонова).

Почувствовать это приключение, Андрей Михайлович взглянула на свою руку, потом медленно перевела глаза из стоявшего перед ним оторопившего «фельдфебеля» и спросила:

— Что тебе, мальчик?

Толстый рядовой, забыв воинский долг, повернулся при этом и стремглав убежал на почтительное расстояние.

Между тем фельдфебель, заикаясь, и все также басомъ, тараторилъ:

— Вотъ онъ (жестъ по измѣнению къ мѣсту, где только что находился удрученный спутникъ) говорить, вы должно быть ранены, а я говорю, не раненый... Вы ужъ простите, мы хотѣли только спросить, вы не съ войнѣ?.. А?

— Нѣтъ, не съ войнѣ... А тебѣ зачѣмъ это?

— Просто—такъ себѣ... Жаль, что вы изъ войнѣ не были... все-таки тамъ очень интересно... рассказали бы, какъ тамъ стрѣляютъ, или еще что-нибудь... А вотъ я еще хотѣлъ спросить: вы, можетъ быть, гвардейский, у васъ такие странные погоны... Две полоски и между ними такая... ну, такая закорючка...

— Я полковникъ въ отставкѣ..

— Въ отста...авгъ,—разочаровывается Сережа,—а мы думали, вы генераль... ну, да это ничего... Вотъ у меня пана изъ войнѣ, только онъ не офицеръ, а докторъ... А Петинъ дядя (снова жестъ въ сторону), такъ тотъ—прапорщикъ саперскій, это, знаете, тамъ разные окопы строить, мосты тоже...

— Ну, мости строить понтонеры!

— Понтон...еры?! А вы какой были, съ пѣхотой, или въ кавалеріи?

— Въ кавалеріи... Въ Драгунскомъ полку.

— Правда?!

— Правда...

— А это какіе... съ саблями?

— При мнѣ пашки носили, а теперь сабли дали, да и полкъ теперь не драгунскій, а Уланскій...

— И на лошадяхъ всегдаѣзди?

— Да, на лошадяхъ... Гіѣдь у насъ были лошади...

Помолчали... Полковникъ, чуть улыбаясь, ласково смотрѣлъ на нового знакомаго и все больше и больше правился ему этотъ крѣпкій, хорошо сложенный ребёнокъ, правились темные, блестящіе оживленіемъ глаза, сильный, низкаго тембра голосъ.

Петинъ дядя былъ раненый и контуженый... Рана-то у него совсѣмъ прошла, а вотъ голова все трясется и трясется, даже, говорить, есть трудно... А я, когда вырасту, тоже пойду на войну, и Петя пойдетъ, только Петя-то жирный хоть, но не сильный, а я очень сильный... Да вотъ, если хотите, попробуйте, какіе у меня мускулы, вотъ особенно тутъ... Это пана говорить бицепсъ, а подъ мышками лягусъ.

Андрей Михайлович попробовалъ и бицепсъ, и лягусъ, потрепалъ мальчика по раскрасившейся щекѣ, и спросилъ:

— Какъ же тебѣ зовутъ, герой?

— Меня-то? Меня зовутъ Сережкой, а вотъ его... Ахъ, онъ удралъ! Вѣрою думать, вы сердитый!

Сережа внимательно и очень серьезно посмотрѣлъ на полковника, какъ бы действительно рѣшая, сердитый онъ или нетъ и вдругъ весело улыбнулся, улыбнулся и Андрей Михайловичъ.

— Сережка,—думалъ онъ,— славный мальчикъ какой... Тоже Сережка... Такой же череноволосый... бойкій...

— Знаешь, голубчикъ, у меня тоже сынь Сережка... былъ... только убили моего...

— Нѣмцы? На войнѣ?

— Да, Нѣмцы.

Сережа опять также внимательно взглянулъ на Андрея Михайловича и вдругъ, покрасившись, отвернулся...

— Какое поразительное сходство же...

НА ВОЙНѢ.

Новыя вѣсти.

Въ дозорѣ.

Переправа раздѣчиновъ.

Разъездъ.

ВЪ ЛАГЕРЬ КОРОЛЯ-РЫЦАРЯ.

У СОЮЗНИКОВЪ.

Президент Франции Р. ПУАНКАРЭ (первый нальво) и французский военный министр МИЛЬЕРАН (направо от короля) въ гостяхъ у бельгийского короля на пути къ траншеямъ.

Французская пехота въ новомъ головномъ уборѣ (стальные каски) готовится къ отправлению въ окопы.

Поруч. Д. И. ЗОРИНЪ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружиемъ.Летчикъ лейт. Н. А. РАГОЗИНЪ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружиемъ.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Турецкие пленные развозятъ воду въ англійскомъ лагерь.

ста! Какой милый... добрый... Понимаеть, крѣпнуть поколѣніе, которому будущность сулить столько радости, столько значитъ... Пожалѣть...

Андрей Михайловичъ обнялъ Сережу за прекраснаго плечи, притянулъ къ себѣ, хотѣлъ что-то сказать, но съмь покраснѣлъ и отвернулся.

Въ груди задрожало, подступили къ горлу судорожныя схватки непривычныхъ беспротивно гибнеть, терпѣть тягчайшія рыванія, и вдругъ полились горячія слезы... Они сбѣгали по худымъ щекамъ, за-стремясь къ собственному счастью и надежды.

Стреляли, искрились на солнцѣ, въ сырьихъ своихъ близкихъ.

Усѣхъ и бакенбардахъ... Смутно было, Да, Сережа умеръ, а собственная жизнь

стѣцо плакать здѣсь, среди чужихъ людей... Андрея Михайловича тоже почти кончили на бульварѣ, и становилось въ то же ласк... Начинается жизнь «другого Се-

врѣма какъ-то необыкновенно хорошо на режи...»

душъ: ясно, спокойно... Туманная звѣза, — А вы не плачьте,—вдругъ загово-обволакивавшая все вокругъ, исчезла; риль Сережа, — вотъ я скоро выросту

онъ снова слышитъ говоръ, шумъ улицы, большущій-большущій, и всѣхъ этихъ

даже шелестъ деревьевъ, видѣть вокругъ Итачевъ, Турокъ...

яркую зелень, летящій по воздуху пухъ Не договорить, замолчать, быстро отгла-тополей и просвѣтѣть ярко-голубого изба пулся во всѣ стороны и, пелою обнялъ

между домами напротивъ... Андрея Михайловича, крѣпко, по-детски,

Да, Сережа умеръ... Изъ личной жизни поцѣловалъ въ мокрую отъ слезъ щеку...

Андрея Михайловича вычеркнуто все самое — Да, да, милый... ты скоро вырастешь,

главное... Осталась только дорога въспоминанія, а впереди только иѣсколико лѣтъ го... только ты будешь счастливъ, «другой

одинокой старости... Въ урочинный часъ въ Сережа!!»

Василий Афанасьевъ.

Король.

Не въ пышной мантѣ со сѣгомъ горно-

стая,

Не въ роскоши дворца онъ вѣчно дорогъ

мѣтъ,—

Нѣть, я люблю его съ войсками, на

конѣ,

Страдальца бодраго въ судѣ родного

края.

Пусть хищниковъ стальныхъ наглѣющая

стая

Пируетъ на костяхъ въ зловѣщій ти-

шинѣ,

Пусть въ сердце иѣжиное священной ста-

тической

Воззаются мечи, быль духа убивая,—

Жада и будетъ ждать пѣненная земля Работниковъ своихъ и съ ними короля.

Я знаю: онъ придется. Церкви столѣт-нѣмъ звономъ

Вздохнетъ вся Бельгія, поизѣстуя его...

Я—пищій—пришду тогда къ его знаме-нію.

Я жить еще хоту, чтобъ видѣть торже-ство!

В. Жуковскій.

Олегъ (Ольга) ШИДЛОВСКІЙ.
Происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода Могилевской губ. Окончила курсъ витебской Александровской женской гимназии весною настоящаго года. Стремясь постичь въ ряды лѣтнейшющей арміи, где находятся почти всѣ члены семьи Шидловскихъ, изъ томъ числа и два родныхъ ея брата, немедленно послѣ окончанія курса гимназии, испросила разрешенія Верховнаго Главнокомандующаго на вступленіе добровольцемъ въ историческій 4-й гусарскій Маріупольскій Императорицы Елизаветы Петровны полкъ, въ которыи доблестно сражалась всю Отечественную кампанію 1812 года знаменитая скорѣсть Александра Дурона. Отсюда съ-бывший членъ II Государственной Думы. Братья его Назарь Шидловский (капитанъ 102-го Вятскаго полка) погибъ въ битѣ подъ Солльдай, а второй его братъ, Александръ, былъ сильно контуженъ въ томъ же бою, но выздоровѣлъ и опять вернулся въ строй.

Ольга (Олегъ) Сергеевна Шидловская.

Елена Серг. ЛЕВИЦКАЯ, основательница первого среднего учебного заведения для совместного обихода половь ученик и воспитанника. Школа ея (в Царском Селе) была основана по типу известной Бидзельской школы, близь Лондона. + 19 августа.

См. № 14177 «Нов. Вр.».

Въеръ.

Мѣжъ жаль уже минувшей моды
Воздушныхъ женскихъ опахалъ,
Когда театръ, въ бытые годы,
Подъ вѣтромъ крылья трепетали,

Когда, какъ бабочки ночные,
Въ сіяніи тысячи огней,
Мелькали крылья кружевныя
У жаркихъ щекъ и у плечей.

Когда скрывались женщины взоры
Живой, узорчатой стѣнѣ,
И складокъ легкіе затворы
Языкъ имѣли тайный свой,

Когда въ себѣ они таили
Грозу и ночь ревнивыхъ мукъ
И жуткимъ звукомъ шелестили
Межъ пальцевъ трепетавшихъ рукъ,

Иль безнадежно отвергали
Призывъ въ утраченный эдемъ
И осторожно начинали
Завязку новую, межъ тѣмъ...

Мѣжъ жаль уже минувшей моды
Воздушныхъ женскихъ опахалъ,
Когда театръ, въ бытые годы,
Подъ вѣтромъ крылья трепетали...

Н. Вильде.

Литературные замѣтки.

Книга о Царыградѣ *.

Афоризмъ, что «войны учать географій», уже пріобрѣлъ себѣ въ наше время, когда война поглотила почти всѣ другіе интересы, право гражданства. Къ этому можно добавить, что войны учать и исторію, и многіе изъ нашихъ современниковъ познакомились съ событиями изъ исторіи

* А. Бартъ. «Царыградъ и окрестности». Историко-художественное описание, съ 58 рис. и черт. Съ французского перевѣт Н. М. Лаговъ. Дополненіе Н. Н. Пѣшковымъ. Изд. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ, 1915 г. Стр. 248. Цена 1 р. 50 к.

четвертыми именемъ,—Константионополь, Византія, Стамбуль, Царьградъ,—о томъ городѣ, съ которымъ соединены воспоминанія о множествѣ замѣчательныхъ историческихъ лицъ,—о Константинѣ, царице Еленѣ, Юстинианѣ, Феодорѣ, Велизаріи, Юліанѣ Отступнице, Магометѣ II и многихъ другихъ.

Авторъ даетъ яркую картину города, такимъ оно кажется, когда, подѣжалъ къ нему, видишь его издали во всемъ великолѣпіи его волнистыхъ береговъ и живописно раскинувшихъ храмовъ и минаретовъ, затѣмъ рисуетъ городъ такимъ, какимъ онъ оказывается при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, — некрасивымъ и жалкимъ, съ узенькими, извилистыми, мрачными улицами безъ воздуха, безъ света и безъ мостовыхъ, съ беспорядочнымъ нагроможденіемъ убогихъ домишкѣ изъ бревенъ и глины и множества развалинъ, оставленныхъ въ такомъ видѣ по небрежности или изъ фаталізма. «Нѣть другого города, который бы въ такой степени возбуждалъ воображеніе издали и производилъ такое разочарованіе вблизи», — говоритъ авторъ. «Нужно пропести многие и многие дни, досыта наглядѣться на всѣ чудеса, чтобы вернуться къ болѣе правильному сужденію и снова обрѣсти первоначальная воспогорія». Авторъ дѣлаетъ интересный, хотя и бѣглый исторический очеркъ Царьграда, болѣе подробно останавливается онъ на замѣчательнѣихъ памятникахъ, начиная со св. Софіи и кончая турецкими мечетями, дворцами, базарами, фонтанами и проч. Живое изложеніе и множество иллюстрирующихъ текстъ рисунковъ и чертежей дѣлаютъ эту замѣчательную книгу весьма полезнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто хочетъ получить представленіе о городѣ, историческая судьба которого рѣшилась въ наши дни.

П. И. В.

Богатырь русской исторіи *.

Въ наши дни всего современіе оглядывается на славное боевое прошлое Россіи и русской арміи—прошлое, съ которымъ, каковы бы ни были временные невзгоды и разочарования, не порвана связь у современности и которая всегда даетъ себѣ чувствовать сквозь все отдаленіе времени и бытовыхъ перемѣнъ.

Въ этомъ прошломъ нѣть имени болѣе безспорно звучащаго, чѣмъ имя Суворова. Русскіе всегда были охотниками поротить себѣ и свое (это наша национальная слата

* В. Е. Якушкинъ. «Гений русского воинского искусства, А. В. Суворовъ». М. 1915. Стр. 96. Ц. 40 коп.

Марія Андр. МЕЩЕРСКАЯ, начальница женской гимназии имени Оболенской въ Петроградѣ. + 21 августа.

ность). Никто не отрицалъ въ Германии Гете, но въ Россіи долго держалось писаревское отношение къ Пушкину, несмотря на очевидную его вздорность. Если разѣбчивали поэты, которые въ общемъ все-таки такъ популярны въ интелигенціи, то что же сказать о русскихъ полководцахъ? Я думаю, рядомъ русской «интелигентіи» затруднится и называть кого-нибудь изъ нихъ, кроме Суворова, Кутузова и Скобелева. Только эти три имени еще «держатся», да разѣѣ еще четвертое — Ермолова. Но абсолютно «признаено» и совершенно неоспоримо среди нихъ только одно имя — Суворова.

Эта безусловная популярность выразилась даже въ такой выѣшней подробности, что, напримѣръ, разбираемая брошюра составилась изъ ряда фельетоновъ, напечатанныхъ покойнымъ Якушкинымъ и «Русскимъ Вѣдомостямъ», органѣ, казалось бы, мало подходящемъ для темы. Но поистинѣ «Суворовъ вѣдѣ проходитъ... Правда, что статьи были напечатаны въ юбилейный (1900) годъ.

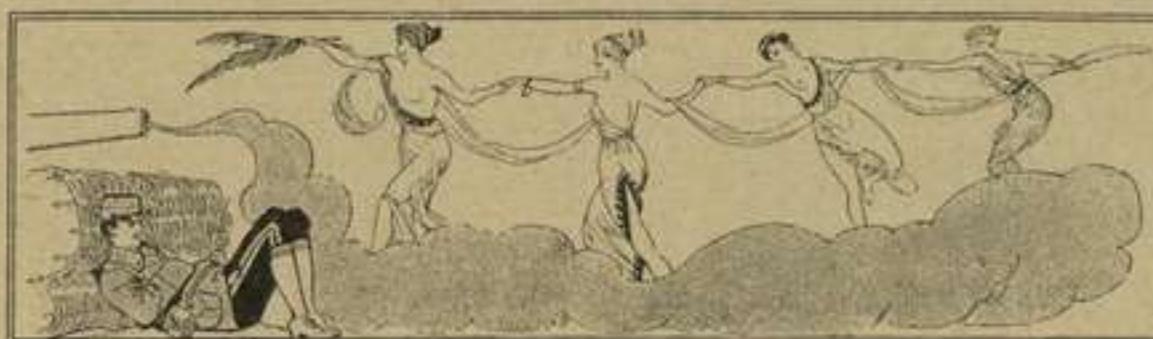
Нельзя сказать, чтобы брошюра была очень интересна. Суворовъ — такая тема, что ждешь чего-нибудь болѣе яркаго и выпуклого. Главный недостатокъ брошюры, что въ ней мало выступаетъ личность Суворова, какъ полководца, т. е. въ концѣ концовъ самое главное въ этой личности. Конечно, интересно воспитаніе Суворова, его любовь къ образованію и книгамъ (онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и самыхъ начитанныхъ людей своего времени), прохожденіе имъ солдатской службы, его глубокая связь съ солдатской средой, наконецъ, некоторые «либеральныя» его (по тому времени) устремленія. Но основное въ Суворовѣ все-таки волшебный талантъ военного виртуоза, какъ основное въ Антонѣ Рубинштейнѣ — талантъ виртуоза-пианиста. Въ брошюре же Якушкина, довольно водоплависто написанной, полногодецъ Суворовъ какъ-то скрывается за человѣкомъ и «гуманистомъ».

Между тѣмъ это было, дѣйствительно, что-то необыкновенное. Вѣдѣ на всѣмъ протяженіи новой исторіи мы не встрѣчаемъ болѣе талантливаго полководца (самъ Наполеонъ, какъ полководецъ, едва ли можетъ съ нимъ равняться), и даже въ глубинахъ древней исторіи только одного Ганибала возможно ставить выше Суворова. Къ этой оценкѣ приходится прийти, если отрицать гenia полководца считать силу и величину побѣдденныхъ имъ проптетвий. Наполеонъ все же никогда не имѣлъ противъ себя первокласснаго боеваго противника. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ боролся со стойкой и смѣлой арміей (какъ русская), армія эта была плохо руководима (какъ подъ Аустерлицемъ). И безъ Наполеона тогдашній французскій арміи одолѣвали вездѣ и всѣхъ противни-

За прядкой въ лѣтній день.

СНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Французские «піу-піу» въ 1915 году. Грезы о лаврахъ.

Турокъ видитъ турій гарема и блаженствуетъ.

ко, кромъ только Суворова. Напротивъ, русский полководецъ однѣмъ умѣлъ остановить эту неудержимую революционную лавину. Онъ побѣжалъ не поднявшее и обѣщавшее, а здоровое и юное, въполномъ расцѣть силъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить опять-таки лишь съ однимъ Ганибаломъ.

Вотъ почему вполнѣ возможно предположить, что, согласись судьба устроить то единоборство между Суворовымъ и Наполеономъ, о которомъ они оба, повидимому, мечтали, — этотъ безпрѣмѣрный боевой «матчъ» окончился бы въ пользу русского полководца.

Но и въ томъ полу-проявившемся видѣ (какъ многие русские геніи, въ какомъ судьба оставила Суворова (въ книгѣ Якушкина собрано много доказательствъ, сколько была связана его дѣятельность до самого конца), этотъ богатырь новой русской исторіи являетъ памъ своимъ образомъ лучшее доказательство, что стихія войны не чужда русской натурѣ. Русскій народъ умѣетъ жить мирно и въ мирѣ, но умѣеть и постоять за себя и потѣшиться «ратной потѣхой» (какое характерное выраженіе!). Въ послѣдній сугубо-мирный десятилѣтія русской исторіи эта истинна начала было приходить въ забвеніе. Мы и сами внали въ нѣкоторую катапеллю «не противленія» и несомнѣнно раздѣнили этимъ нашихъ соѣдѣнъ.

Теперь намъ приходится вспомнить и вызвать къ бытію другое «полушаріе» нашей натуры и дѣятельности. И образъ Суворова намъ порукой, что Россія и здѣсь найдетъ себя — себя самой...

П. Перцовъ.

Нѣмцу чудится радость Гретхенъ и «военные трофеи»

НА ПОБѢДНОМЪ ПУТИ НѣМЕЦКИХЪ ШПИОНОВЪ.
(До войны).

— Хотя я запасный офицеръ, но прежде всего я — просто поэтъ, мечтатель! Моя душѣ дороги красоты природы, широкія горизонты, живописныя мѣстности, не лишенныя стратегическаго значенія, горы и высоты, меня интересуетъ длина мостовъ, туннелей, виадуковъ, — вообще, все замѣтительное!

— Я — больше всего свѣтскій человѣкъ! Я охочусь въ обществѣ депутатовъ, играю въ карты съ должностными лицами, обѣдаю у прокурора, а для развлечения — составляю списки заложниковъ для моихъ Берлинскихъ друзей!

Мелочи.

Парижъ во время осадного положенія въ началѣ войны.

(Воспоминанія по поводу годовщины войны).

Столицѣ Франціи не разъ приходилось переживать угрозы вторженія врага: войну на высотѣ своихъ славныхъ историческихъ традицій.

Чище Аттилы въ Галлію и чудесное спасеніе Парижа, — тѣ времена еще Лютеции, — застущество св. Женевьевы, подвигъ Орлеанской Дѣви и безуспѣшную осаду Парижа союзными войсками въ 1792 году.

Столицѣ Франціи оказались и въ эту войну на высотѣ своихъ славныхъ историческихъ традицій.

НѣМЕЦКИЕ ШПИОНЫ ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

— Вотъ здѣсь вы мѣнѣ устронте бетонированный теннисъ: мѣсто для этого превосходно, — оно господствуетъ надъ моремъ! („Bâtonnette“, рис. Ф.).

— Какой у него важный видъ!
— Еще бы! Его только что произвели въ шпионы первой степени.

Рис. Р. О.

Съ магазинѣ.—Какая прелесть ручка красивой дамы!
Рис. Левбен Гозз.

— Вотъ если бы меня тутъ увидѣли мои берлинскіе слуги!
(«Baignette») Рис. М. Трикс.

лась съ уничтоженіемъ ресторанныхъ трактировъ на троуарахъ, затѣмъ было издано постановленіе о закрытии кафе въ восемь часовъ вечера. Когда же было приказано зажигать лишь половину уличныхъ фонарей и потушить всѣ свѣтильники выѣзжихъ, бульвары потонули въ мракѣ. Пешеходы, подобно китайскимъ тѣнямъ, то сталкивались другъ съ другомъ, то быстро расходились въ противоположныхъ направлениихъ, какъ бы забавляясь игрой въ прятки или жмурики. Тамъ не менѣе, несмотря на всѣ неудобства, вызванные военнымъ временемъ, бульвары попрежнему представляли нерѣкъ столичной жизни.

Никогда еще «камл» не пожинали такой обильной жатвы, какъ со дня объявленія военныхъ дѣйствій. Публика съ ходатайствомъ раскупала открытки изъображающими бельгийского короля, нашего Государя, короля Англии, генералиссимуса Коффра, Верховного Главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, генераловъ Кастьельно, По, Манури и др. Витрины эстампныхъ магазиновъ нестрѣли всевозможнѣйшими карикатурами въ родѣ «Завѣщеній Вильгельма и кронпринца», «Билетъ на Берлинъ и обратно». Большинъ спросомъ пользовались игрушечныи 75-сантиметровыи пушки и предсказывали знаменитой парижской индустрии, мадамъ де-Тэбъ, Легковѣрные парижане, уловая на безошибочность своей предсказательницы, ожидали смерти Вильгельма 9 сентября. Но,—увы!—надежды ихъ не сбылись, такъ какъ къ назначенному прорицательнице сроку Вильгельмъ схватилъ лишь насморкъ!

Импровизированные художники разрисовывали карикатурами даже тротуары. Публика съ любопытствомъ разматривала гигантскія фигуры фон-Клука и Пуанкаре, боксирющаго съ Вильгельмомъ, сопровождая обозрѣніе этой оригинальной выставки остроумными замѣчаніями и шутками.

Съ первыхъ же дней войны Парижане стали запасаться географическими картами, чтобы имѣть точный понятій о ходѣ военныхъ дѣйствій. Обозначая на картѣ продвиженіе армій пестрыми флагами, многие Парижане въ патріотическомъ своемъ увлечениѣ шагали гораздо быстрѣ генералиссимуса. Одинъ книжный торговецъ, выставившій у своего магазина громадную карту театра военныхъ дѣйствій, вынужденъ былъ наклеить рядомъ съ ней слѣдующее объявление: «Публику просятъ не трогать флаговъ, Лишь изрѣдка промелькнетъ одинокий

трамвай или покажется запряженный заѣзжанной ключи фіакръ. Въ сущности, прохоже отъ этого только выиграли: каждый шелъ спокойно, не боясь быть раздавленнымъ, читал на ходу газету.

Прислушивался ко всевозможнѣйшимъ тревожнымъ вѣстямъ, распространяющимъ досужими болтунами, запасливые хозяйки стали закупать провизію. Онъ соперничали другъ съ другомъ въ распорядительности и предусмотриности. Закупались цѣлья горы консервовъ, сухихъ овощей, фруктовъ, макаронъ и т. п. Словомъ, на этотъ разъ Парижанамъ не угрожала непрѣятность довольствоваться рагу изъ крысы, какъ это было въ достопамятный 1870 годъ! Съ

своей стороны правительство, заботясь о спасбеніи столицы молокомъ, реквизировало въ окрестностяхъ Парижа громадныи стада дойныхъ коровъ, превративъ роскошный лонгшансъ иподромъ въ складнія для скота. И тамъ, где еще недавно собирались блестящее общество спортоменовъ, цѣлью родовитой комѣ жандармскаго офицеръ, кудластый или денежной аристократіи всего мира, художникъ, изящный спортоменъ и человѣкъ законодательницы модъ, соперничавши въ неопредѣленной профессіи. Офицеръ, здѣсь другъ передъ другомъ созданиемъ помошью обуглившейся спички, чертилъ на мраморномъ столикѣ, между гравюрами и рюмками съ ликеромъ, весь планъ кампаніи согласно поставленнѣю себѣ интересы! Вотъ у воротъ дома собрались жильцы вмѣстѣ съ «консьержами», тутъ же горничные, кухарки, соѣдніе лавочки. Образулъ какъ бы одну семью, всѣ затаенные дыханія слушали Парижантъ, теперь совершенно измѣнился.

На самыхъ людныхъ улицахъ можно было наблюдать типичныи провинціальныи сцены,—всѣхъ сплотили обще интересы! Вотъ у воротъ дома собрались жильцы вмѣстѣ съ «консьержами», тутъ же горничные, кухарки, соѣдніе лавочки. Образулъ какъ бы одну семью, всѣ затаенные дыханія слушали Парижантъ, теперь совершенно измѣнился.

Рядомъ въ кафе возѣдали за столицѣ спортоменовъ, цѣлью родовитой комѣ жандармскаго офицеръ, кудластый или денежной аристократіи всего мира, художникъ, изящный спортоменъ и человѣкъ законодательницы модъ, соперничавши въ неопредѣленной профессіи. Офицеръ, здѣсь другъ передъ другомъ созданиемъ помошью обуглившейся спички, чертилъ на мраморномъ столикѣ, между гравюрами и рюмками съ ликеромъ, весь планъ кампаніи согласно поставленнѣю себѣ интересы! Аудиторія съ напряженнѣемъ вниманіемъ слѣдитъ за «военными операциами». Увлекшись своей задачей, старателъ «исправляетъ» пальцъ генералиссимуса Коффра: «Да чего же онъ еще ждетъ, sapristi, чтобы прорвать центръ?», воскликнастъ онъ, ударяя кулакомъ по столу. Не дожидаясь отвѣта, онъ дѣлаетъ прорѣзь въ французской арміи на собственномъ чертежѣ. Затѣмъ новоиспеченный «генералиссимусъ» и его «штабъ» на радостяхъ чокаются другъ съ другомъ.

Жильцы многихъ домовъ, годами не сообщавшіеся со своимъ соѣдніемъ, както сразу всѣ перезнакомились. На лѣстницахъ и на дворахъ, на порогѣ квартиръ, на подоконникахъ ведутся безконечныи бесѣды.

Даже непримиримые враги, забывъ старые счеты, участливо разспрашивали другъ друга и оживленно дѣлились военными новостями.

Плохіе домосѣды въ обычное время, Парижане, благодаря закрытию театровъ, ресторановъ, кафе, полному отсутствію какихъ бы то ни было увеселеній и скучному освѣщению улицъ, поневолѣ сидѣли по вечерамъ дома. Любая свѣтлая женщина на вопросѣ: «Какъ проводили время?» просто отвѣтила вами: «Работаю на раненыхъ, а въ 9 часовъ вечера укладываюсь спать».

Въ небытіи типинъ, царившій съ

наступлѣніемъ сумерекъ на улицахъ Парижа, мирно звучалъ вечерний благовѣсть, призывающій къ молитвѣ и находящій живой откликъ даже въ сердцахъ закоренѣлыхъ антиклерикаловъ и атеистовъ.

Церкви переполнены молящимися... Великое чудо сотворила война!—Современный Вавилонъ превратился въ добродѣтельнѣйшій провинціальный городъ!

Редакторъ Б. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—*«Новое Время»*.

ШКОЛЬНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Ранцы съ роликовымъ ремнемъ, облегающими поясу, и съ предохранителемъ отъ протирания одеждъ.

Непромокаемые пальто, пакидки, сумки, обложки и пр.

Галоши на всѣ мѣрии.

Письменныи приналежности: резинки, перочинные ножи, ручки и пр.

Для завтрака: корзинки, фляги, эмульсіонная бумага и пр.

Конст. Мальмъ.

Петроградъ, Морская, 31.

**для ЦВѢТА
ЛИЦА
ПРЕВОСХОДНЫЙ**

освѣщающій кожу
элегантный кремъ Дермозонъ Д-ра Антона
Мейеръ имѣть очаровательный ароматъ цвѣтушихъ
розъ. Онъ является гордостью
женщинъ, желающихъ сохранить
свой моложавый видъ. Дермозонъ
продается во всѣхъ аптекахъ, въ
банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ
дѣйствуетъ быстрѣ, если
презирательно обмыть кожу мыломъ.
Дермозонъ Т-ва Столбергъ
и К°. Остерегайтесь подѣлокъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

36

№ 14191

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 12-го (25-го) СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14191

«Сцена моей жизни!»
М. Г. Савина.

Мария Гавриловна САВИНА.

Родилась 30 марта 1854 года в Каменец-Подольске, скончалась в 5½ часов утра, 8 сентября, в Петрограде.

Кощукство.

ДОЛГЪ.

Рассказ К. Бельской.

I.

Ядро ударило в убогий сельский храмъ,
Сорвало колоколь со старыхъ перекладинъ,
Убило голубей въ пыли оконныхъ ви-
динъ,
Засыпало Престолъ стекломъ разбитыхъ
рамъ.

Воскресный день унылъ. По рощамъ и
полямъ
Не загудить призывъ. Любимый Крестъ
украшенъ...
Презрѣній, жалкій врагъ! Безбоженъ,
ты и жадень,
Ты славу страшную себѣ готовиши самъ.

Господь за праваго! И голуби, и звуки
Опять свое гнѣздо подъ крышею союзотъ.
Все будетъ снова жить! Заботливыя руки
Кощукства дикій соръ изъ храма отме-
тутъ...

В. Жуковский.

Заходящее солнце обливало пурпурнымъ блескомъ серебристую поверхность пруда, когда со стороны лѣса, отдѣлявшаго село отъ проѣзжей дороги, послышались мѣрные шаги и бряцаніе оружія. Отрядъ русскихъ солдатъ вышелъ изъ зеленыхъ зарослей. Съ неописуемой радостью крестьяне бросились къ нимъ наные слухи дѣлали уже здѣсь свое дѣ-
встрѣчу: въ ихъ рядахъ они узнали иль: жители мѣстечка и сель покидали сколькихъ парней-односельчанъ. Началь-
родныя мѣста и беспорядочными толпа-никъ отряда, молодой офицеръ, полякъ, ми устремлялись прочь, лишь бы дальше, спросить крестьянъ, где находится замокъ дальніе... Оставшиеся переживали ти-князей Опольскихъ, такъ какъ тамъ было гостное ожиданіе. Глубокая, полная за-
ему назначена квартира. Ему указали на таснаго беззокіства тишина залегла лиловую аллею.

Рѣдко кто изъ жителей Ополя появлялся на улицахъ села. То здѣсь то тамъ поговоризали, будто вчера вчечеромъ видѣли по близости польского узана. Опасались, что Пруссаки ежеминутно могутъ вторгнуться въ Ополе. И полные отчаянія взоры сельчанъ съ нѣ-
которыми облегченіемъ останавливались Сквозь зелень деревъ видѣлись гро-
мадныя стѣны дома-замка съ двумя бо-
ковыми крыльями. Вольскій остановился, заглянувшись на этотъ чудный памят-
никъ старины, устремившій свои гордые башни въ пылающее небо.

Старый слуга ввелъ Вольскаго въ на стѣнахъ княжескаго дома, величаво обширную переднюю, выложенную мра-
высившагося за гладью пруда: тамъ все морныя плитами, потому въ большой лицо съ черными глазами, прямымъ но-
сомъ, высокимъ благороднымъ лбомъ. Онъ былъ изысканно-привѣтливъ въ обра-
щеніи, но въ чортыхъ ого лица

гордо, суворо. Вольскому казалось, будто взгляды ихъ спрашивали его:

— Хватить ли у тебя мужества, чтобы избавить настъ отъ позорной гибели?..

— Хватить, хватить!.. — билось въ груди молодого офицера...

Узкая, породистая рука князя Ополь-
скаго задержала руку Вольскаго въ крѣпкомъ пожатіи.

— Имѣю удовольствіе привѣтствовать начальника отряда?

— Такъ точно! — былъ отвѣтъ.

— Счастливъ вы! Я уже не могъ бы идти на Нѣмца: слишкомъ старъ, и кромѣ того...

Онъ замолчалъ и задумался на мгно-
вение, потомъ добавилъ:

— Весь протестъ противъ пражескаго настѣнія выражается въ моемъ пребыва-
ніи здѣсь, на мѣстѣ...

Старый князь былъ достойнымъ пред-
ставителемъ древнаго рода. У него была величавая осанка, скульптурно-красивое

съкали его лобь, свидѣтельствуя о тяжелыхъ жизненныхъ потрясенияхъ.

Появленіе слуги прервало разговоръ. Это былъ тогъ старый лакей, который ввелъ Вольскаго.

— Возиратися молодой князь съ прогулки?— спросилъ князь.

— Князь Юрий и барышня Шварц...

Князь съ беспокойствомъ задвигался въ креслѣ, глаза его гибко сверкнули.

— Андрей,— сурово обратился онъ къ слугѣ,— ты опять? Я тебѣ много разъ говорилъ, что эту особу надо называть м-ле Марта.

— Простите меня, ваше сиятельство. Ее гдѣ такъ называютъ: Шварцъ, да Шварцъ...

— Ну, хорошо... Ступай.

Белѣственная фигура князя вдругъ согнулась и точно сдѣлалася меньше, вдавинутая въ глубину старинного кресла. Бѣдность покрыла его лицо. Онъ молча смотрѣлъ въ пространство, печальный, ушедший въ себя.

— Собственно говоря,— съ трудомъ выговорилъ онъ,— сейчасъ здѣсь была произнесена фамилія, по поводу которой я хотѣлъ бы дать вамъ мои объясненія, но,— голосъ его понизился до шепота,— мнѣ это трудно. Скорѣе станеть по-нѣмѣнски вамъ само собою...

II.

Столовая въ замкѣ князей Опольскихъ отличалася изысканной роскошью. Гигантскіе науки-лампы стускались съ тубоваго потолка. Драгоценныи гобелены украшали стѣны.

Ужинъ проходилъ въ молчаніи. Быть фѣль очень мало. Его взоры поминутно обращались къ стеклянной ротондѣ, примыкающей къ столовой.

Противъ Вольскаго сидѣла княжна Марія, дѣвушка уже не первой молодости, лицомъ походившая на отца: тѣ же правильныи черты, словно выточенныи рѣзцомъ художника. Черное, почти монашеское платье ея было такъ же пе-чально, какъ выраженіе ея лица.

Атмосфера вокругъ была тяжелая, подавленная. Безпокойство отца и дочери было слишкомъ очевидно. Она также часто съ испугомъ глядывалася въ кимъ акцентомъ.

Все это чрезвычайно притроговало нею. Онъ сразу замѣтилъ, что насыщенные пушнистымъ ковромъ. Они показались Вольскому ключомъ къ этой тайне, такъ какъ на ихъ звуки отецъ и дочь поспѣшили обернуться въ сторону двери.

И вотъ, въ стеклянномъ залѣ послышались шаги, заглушенные пушнистымъ ковромъ. Они показались Вольскому ключомъ къ этой тайне, такъ какъ на ихъ звуки отецъ и дочь поспѣшили обернуться въ сторону двери.

Шли двое людей. Бѣлокурый молодой человѣкъ, вѣрнѣе, шестнадцатилѣтній юноша, блѣдныи силузтомъ вырисовался въ слабомъ свѣтѣ зала, точно прозрачный вдругъ появился среди рододендроповъ и пальмъ. Рядомъ съ нимъ шла молодая темноволосая женщина съ высо-ко поднятой головой.

Они производили странное впечатлѣніе, эта блѣдная тѣнь и эта крупная темная фигура. Женщина указала удобное англійское кресло. Юноша покорно опустился на мягкий бархатъ. Его блѣдныи, прозрачныи руки оперлись о темно-зеленые ручки кресла, свѣтловолосая голова прислонилась къ темной обивкѣ. Онъ закрылъ глаза и былъ похожъ на статую.

Женщина стояла, повернувшись лицомъ къ Вольскому. Сѣть падаль на нее. Выраженіе рѣшительности обращало вниманіе въ ея глазахъ, на губахъ— казалось Вольскому—блуждала презрительная усмѣшка. Минуту спустя она заняла мѣсто у стола. Княжна Марія

Марія Гавриловна САВИНА.
Съ портрета, снятаго въ концѣ марта 1914 года.

внезапно острый крикъ прорѣзъ воздухъ.

Князь вскочилъ съ мѣста. Женщина послѣдно поднялась и, отодвинувъ князя, направилась въ стеклянныи залъ. Вольский стоять въ испугѣ. Какая-то жуткая тайна, царившая въ этомъ домѣ, начинала захватывать и его въ свою власть. Глаза его обратились къ блѣдному юношѣ, который вскочилъ съ кресла и, весь корчась въ судорогахъ, кричалъ:

— Я боюсь!.. Боюсь!..

Онъ торопливо оттолкнулъ послѣднюю къ нему на помощь книжку. Марта была уже около него. Властныи движеньемъ она обняла юношу за плечи, и онъ прижался къ ней съ безграничными довѣріемъ, замѣтно успокаиваясь. Все, полное страха и тайны, что владѣло имъ и вырывалось наружу, постепенно отступало, покидало его въ объятіяхъ этой женщины.

Старый князь жестомъ, полнымъ отчаянія, указалъ Вольскому на не-подвижную группу юноши и Марты.

— Смотрите, вотъ мой ужасъ! Надо же было случиться такому несчастью, чтобы именно эта Шварцъ стала духовно необходимой для жизни моего сына! А между тѣмъ это такъ, и, несмотря на все, да, несмотря на все,— съ болью подчеркнула онъ,— она привязана къ памяти.

Въ волненіи онъ замолчалъ.

— Вамъ это кажется страннымъ?— заговорилъ онъ черезъ минуту,— въ не-сколькихъ слозахъ я расскажу вамъ все. Мой мальчикъ отъ испуга перво забѣгъ. Въ апартѣ я повезъ его въ Берлинъ къ знаменитому Ауфенбергу. Онъ испробовалъ всевозможныи методы лѣчения—все напрасно. Наконецъ, онъ привлѣсили эту Шварцъ—и свершилось не-постижимое. Эта дѣвушка имѣть какой-то контактъ съ душою моего мальчика. Какъ вы видѣли не-сколько ми-нутъ назадъ, она однимъ словомъ, однимъ жестомъ вырываетъ его душу изъ оковъ страха, граничащаго съ безумiemъ.

Вольский взглянулъ по направлению къ залу.

Припадокъ, овладѣвшій молодымъ княземъ, душившій его, совершенно прошелъ. На вѣкѣномъ лицѣ его блуждала слабая улыбка. Вампиръ, высасывавшій молодую жизнь, побѣжденный таинственной властью женщины, временно оставилъ свою жертву. Глаза юноши, не отрываясь, смотрѣли въ лицо Марты, черная въ немъ успокоеніе и силу.

— Я всегда ненавидѣлъ Нѣмцевъ,— продолжалъ старый князь,— поэтому вы можете себѣ представить, что я перенесъ, когда Ауфенбергъ предложилъ, чтобы эта Шварцъ сдѣлалася неразлучной компанионкой моего сына. Но что мнѣ было дѣлать? Пришло согласіе. Это было въ апартѣ, значить какъ разъ пе-редъ войной я привезъ эту Пруссачку въ Ополе. Когда пришелъ поль и разрази-лась война, мнѣ слѣдовало бы прогнать се... Не такъ ли?.. А между тѣмъ...

Глубокий вздохъ всколыхнулъ грудь князя, онъ помолчалъ немножко, потомъ глухимъ голосомъ прошепталъ:

— Между тѣмъ я этого не сдѣлалъ. У меня иѣть силъ смотрѣть на страда-нія моего мальчика. И поэтому ничто никогда не въ состояніи удалить эту Шварцъ изъ нашего дома... Потому что тогда произошло бы самое ужасное: мой мальчикъ сошелъ бы съ ума, въ этомъ пѣтъ никакого сомнія.

Лицо князя застыло въ выраженіи не-выносимой боли.

— Ничто, никогда!— повторилъ онъ блѣдный, дрожащий голосомъ.

III.

Вольскаго проводили въ комнату для гостей.

Тяжелая сцена, свидѣтелемъ которой

МОГИЛЕВЪ ГУБ.—Соборъ св. Іосифа на Дзержинскомъ просп. и арка Имп. Екатерины II («брата»).

женщина
тупь кня-
зьный залъ.
Какая-то
этотъ до-
въ свою
бѣдно-
кресла
причаль-

ностини-
ну. Марта
имъ да-
плечи, и
заничилась.
Все,
адѣло имъ
но отсту-
пахъ этой

полнымъ
на не-
арты.

ась! Надо
несчастью,

гала ду-
моего съ-
несмотря
сь болю
зана къ

нимъ?—
—въ пѣ-
вамъ все.
звно забо-
тъ въ Бер-
геру. Онь

оды зѣче-
онь при-
шлось не-
ть изъ
его маль-
олько ми-
словъ,
его душу
цаго съ

правлению
дымъ кла-
енно про-
блуждала
зыдавший
единствен-
но оста-
ноши, не
Марты,
силу.

бывцевъ,—
этому вы
и пере-
киль, что
разлучной
что мнѣ
ться. Это
разъ пе-
сачку въ
разрази-
прогнать
мъ...

Прапорщ. Н. Н. ГРИБОВЪ.
Убитъ.

Шт.-капит. В. А. МГЕБРОВЪ.
Сконч. отъ ранъ.

Подпоруч. В. А. КУЗЕНКО.
Убитъ.

Хорунж. П. В. ФЕДЮШКИНЪ.
Убитъ.

Поручикъ В. ГАНСКАУ.
Сконч. отъ ранъ.

ПО РОССИИ.

Полк. А. П. ОРЛОВЪ, команд. батареи.
Награждѣнъ Георгиевскимъ оружиемъ
за то, что 28 августа изъ бою у Городка
заставилъ противника отступить и пре-
спѣлость его мѣткимъ губительнымъ
огнемъ. За воинственные боевые подвиги
представлена къ награждѣнію орде-
номъ св. Георгия и къ чину полковника.
Убитъ 28 января изъ Дуксинскими пер-
вомайскими на наблюдательномъ пусти,
изображенъ имъ изъ пѣхотной пѣни, изъ
50 шаговъ отъ неприятеля, откуда лично
руководилъ стрѣльбой и заставилъ за-
молчать три неприятельскихъ батареи.

МОГИЛЕВЪ ГУБ.—Видъ изъ Днѣпра и зданія бывшаго Бернардинскаго монастыря—теперь музей
Черкесской старины.

Полковн. Дм. Влад. ШКЛАРЕВИЧЪ.
Награждѣнъ Георгиевскимъ оружиемъ
за то, что 12 и 18 октября у сел. Теодоро-
ровъ, занимая своимъ батальономъ край-
не отѣственный участокъ боевого рас-
положенія, подъ перекрестнымъ ружей-
нымъ и пулеметнымъ огнемъ противника,
лично руководилъ дѣйствіями роты, на-
ходившей все время въ передовой линіи,
энергично вѣзъ роты въ атаку и обра-
тился противника изъ бѣзѣ.

Д. В. Шкларевичъ — сынъ изѣбѣн-
го артиллериста, жиръ ученика, го-
герала-отъ-артиллерии Владимира Николае-
вича Шкларевича.

Богенды въ пути, вдали имѣли «Новоселки», въ 10-ти вер. отъ г. Бѣлостока.

Вольский подкрался ближе и остановил-
ся за ея спиной.

— Убить? — подумалъ онъ. — А они
тамъ, въ замкѣ? — съ болью вдругъ проне-
слось у него въ сознаніи. — Что жъ дѣлать...
долгъ...

Сухой трескъ выстрѣла прорвалъ воз-
духъ.

Шварцъ дрогнула, побачнулась и упала
Шесть съ краснымъ сигналомъ медлен-
но опустился на ея рослую фигуру.

Отрядъ Пруссаковъ медленно прибли-
жался по равнинѣ.

— Смѣло, впередь! — командовалъ лей-
тенантъ фонъ-Гохъ. — Сегодня тоже не бы-
ло сигнала, — значитъ, русскихъ солдатъ
несть въ деревнѣ.

Отрядъ осторожно подвигался во мракѣ
ночи.

Вдругъ изъ тьмы ударили русскіе шты-
ки... Нѣмы побросали оружіе. Лейтенантъ
фонъ-Гохъ былъ взятъ въ пленъ.

Радость наполнила сердце Вольского. Съ
торжествомъ побѣдителя онъ оглянулся
вокругъ. Но внезапно со стороны замка
разразился дикий, пронизывающій темноту
крикъ.

Сердце замерло у Вольского. Передъ его
глазами встала рѣдь сцены, предшество-
вавшихъ ночной схваткѣ: Шварцъ, крас-
ный сигналъ, болѣй молодой кнѧзь, ста-
рикъ отецъ... Какъ все это ужасно!

Крикъ повторился еще разъ и еще,
остро, точно стрѣлой, пронзая воздухъ.

Мучительное ощущеніе безпомощности

Фонарь съ краснымъ огонькомъ внутри, придавилъ молодого офицера.

Но онъ не могъ поступить иначе: онъ

стѣнъ.

Съ польскаго Е. Н.

Безъ шумныхъ выкриковъ веселья,
Но и безъ слезъ,—спокойно-строгъ,
Справилъ я праздникъ новоселья,
Вступивъ на старости порогъ.

Судьбъ покорный, я безъ боли
Созвалъ друзей, чтобъ за столомъ,
Земныхъ надеждъ не чулъ болѣ,
Почтить и этотъ переломъ.

Я, безъ волнующей кручины
Смотря впередъ, подъ темный сводъ,
Благословилъ свои морщины—
Слѣды волненій и заботъ.

Я говорилъ спокойно-просто
О прежнихъ дняхъ, когда былъ юнъ,—
О козинахъ птицы Алконоста,
О чарахъ птицы Гамаюнъ.

Я обволакивалъ иираной
Ужъ отмирашія мечты...

СРЕДИ БЪЖЕНЦЕВЪ.

Латышские бъженцы, увозящіе свое добро и уводящіе свой скотъ, чтобы ни то, ни другое не досталось наступающимъ Германцамъ.

дневныхъ темъ, выискивая, какъ бы взяться за нихъ посмѣшище: передъ взань серьезный и вдумчивый человѣкъ, который дѣйствительно одаренъ этой особой врожденной способностью закрыть оструумнымъ словомъ великую игравую шутку своей наблюдательной мысли.

Много ихъ, этихъ шутокъ, мелькаетъ въ умѣ у Скальда, и богатъ красками тотъ поэтическій языкъ, на которомъ онъ говоритъ. И по блестящей техникѣ стиха, и по яркости отдельныхъ картинъ, и по глубинѣ лирическихъ настроений г. Скальда.—застояній поэтъ, поэтъ, который могъ бы служить и другой, строгой музѣ, если бы не сроднился разъ навсегда со своими шутками, если бы не обольстился г҃ъчно-юными утѣхами волнующей и драматичной музы смѣха. Поэтому-то онъ сумѣлъ создать въ своихъ юмористическихъ миниатюрахъ свой совершенно особый, ему одному присущій сказочно-миѳологической бытъ; онъ, какъ поэтъ, глубоко ощущаетъ природу, проникновенно любить древнюю сказочность ея бытыхъ олицетвореній.

Лѣшій, водяной, вѣдьмы, болотные
черты, царь Берендей,—вотъ излюбленные

Бъжанцы въ пути.

Бъженцы на привалъ.—За обѣдомъ.

В. О почвенно-

Литературные заметки.

Художественный юморъ

Приятную книгу получают ценители юмора въ только что вышедшемъ все время видите передъ собою тонкую, вьющійся узоръ сюжета. Порою его, пожалуй, «Миниатюрь Скальда». Это тутъ проникновенную улыбку задумавшаго лай, забываетъ и самъ авторъ: онъ весь въ умный литературный юморъ, безъ грубой жизнью мудреца. Ясно оказывается въ этой древней таинственности, онъ точно застей буфовады, которымъ умѣли ласкать книгъ и другое сходство съ Соловьевымъ и блудился въ дремучихъ чащахъ первобытнъ очаровывать гр. Алексѣй Толстой и Владѣльца Толстыхъ: передъ вами не профессиаль- ——————
Соловьевъ. Г. Скальдъ,—прямой по- ный газетный балагуръ, которому приходится изощряться въ использованіи злобо- • С. П. Гернетъ. *Миниатюры Скальда*. Петроградъ. 1915 г. Стр. 161. II. 1 р. 50 к.

тельной, эпически-серьезной во всехъ сво- персонажи г. Скальда. Въ этой предвѣтно-
ихъ шуткахъ, пародіяхъ, даже насмѣш- сказочной обстановкѣ развертывается онъ
кахъ по тому или другому адресу. Злобной дѣйствіе, и часто даетъ такія художе-
желчи вы здѣсь не чувствуете нигдѣ, но вы ственныя сцены, что забываешь шутливо-
все время видите передъ собою тонкую, вьющійся узоръ сюжета. Порою его, пожа-
проникновенную улыбку задумавшаго луй, забываетъ и самъ авторъ: онъ весь въ
надъ жизнью мудреца. Ясно сказывается въ этой древней таинственности, онъ точно за-
книгѣ и другое сходство съ Соловьевымъ и блудился въ дремучихъ чащахъ первобыт-
съ Толстымъ: передъ вами не профессіональ- ——————
ный газетный балагуръ, которому прихо- ——————

С. П. Гернетъ. Миниатюры Скальда.
Петроградъ. 1915 г. Стр. 161. Ц. 1 р. 50 к.

Питательный пунктъ для бѣженцевъ, организованный головнымъ отрядомъ Россійского Общества Краснаго Креста члена Госуд. Думы В. М. ПУРИШКЕВИЧА.—Пунктъ этотъ находился въ Барановичахъ, на Слонимскомъ шоссѣ.

За чайнымъ столомъ.

У пятильниковъ съ часмъ.

лаго льса, онъ не знаетъ, куда дальше идти. Но вотъ опять какое-нибудь островерное слово, шутливая ссылка на современность, неожиданно смѣшной прозаизмъ,— и мы видимъ тонкую улыбку писателя-юмориста, умный взглядъ его скептически-насмѣшливыхъ глазъ.

Самой удачной изъ миниатюръ, думается, надо признать «Бѣлую ворону». Интересная по замыслу, съ эффектѣйшимъ сооп-ставленіемъ «Синей птицы» и «Бѣлой во-ронь», она выполнена однѣаково вдумчиво во всѣхъ частяхъ. И поросшее ихомъ прошлое съ посѣдѣвшей короной вмѣсто бѣлой, и механически размѣренное будущее созсѣмъ безъ живой птицы, и кричащая реклама современности, ко всему, кро-иѣ себѧ, равнодушная, и послѣдній совѣтъ Берендея—мудрый въ своемъ простомъ жи-тейскомъ опытѣ,—все это очень яркія кар-тины, очень закопченныя характеристики, все это вѣрно и сильно и въ общихъ кон-цепціяхъ, и въ мозаикѣ отдельныхъ обра-зовъ и выражений.

Книгу г. Скальда можно было бы отъ души рекомендовать нашимъ театрамъ, ставящимъ на своихъ сценахъ миниатюры. Она дасть интересную работу и артистамъ, и режисерамъ, а публика увидить и услышать действительные литературные произведения, написанныя понятнымъ, живымъ языкомъ, легко уложеннымъ въ красивые, звучные стихи, иногда намъренно щеголяющіе особымъ мастерствомъ версификаціи. Стихъ гибко идетъ за содержаніемъ, и часто предомляется изъ размѣра въ размѣръ, устраивая всякую монотонность.

Сборникъ миниатюръ Скальда—это сборникъ блестящихъ по вѣнчности образчиковъ тонкаго и изящнаго, по-истинѣ художественнаго юмора.

B. O.

Національна школа *

Замѣчательно, насколько идея національности становится центральной идеей нашего времени. Мало-по-малу она проникаетъ всюду, и ея влияніе начинаетъ скazyваться даже тамъ, где еще недавно господствовали взгляды чистаго космополитизма. Конечно, эти послѣдніе не сдадутся сразу, но важно, что истаморфоза уже замѣчается и борьба завязалась.

Давно ли въ педагогикѣ царили воззрѣнія Локка и XVIII вѣка о дѣтской душѣ, какъ *tabula rasa*? Но если они сдѣлались анахронизмами въ наше время, то, видимо, не такъ долго ждать того

* П. Блонський. «О національному воспіванні». М. 1915. Стр. 40. Ціна?

БЪЖЕНЦЫ НА ПИТАТЕЛЬНОМЪ ПУНКТѦ.

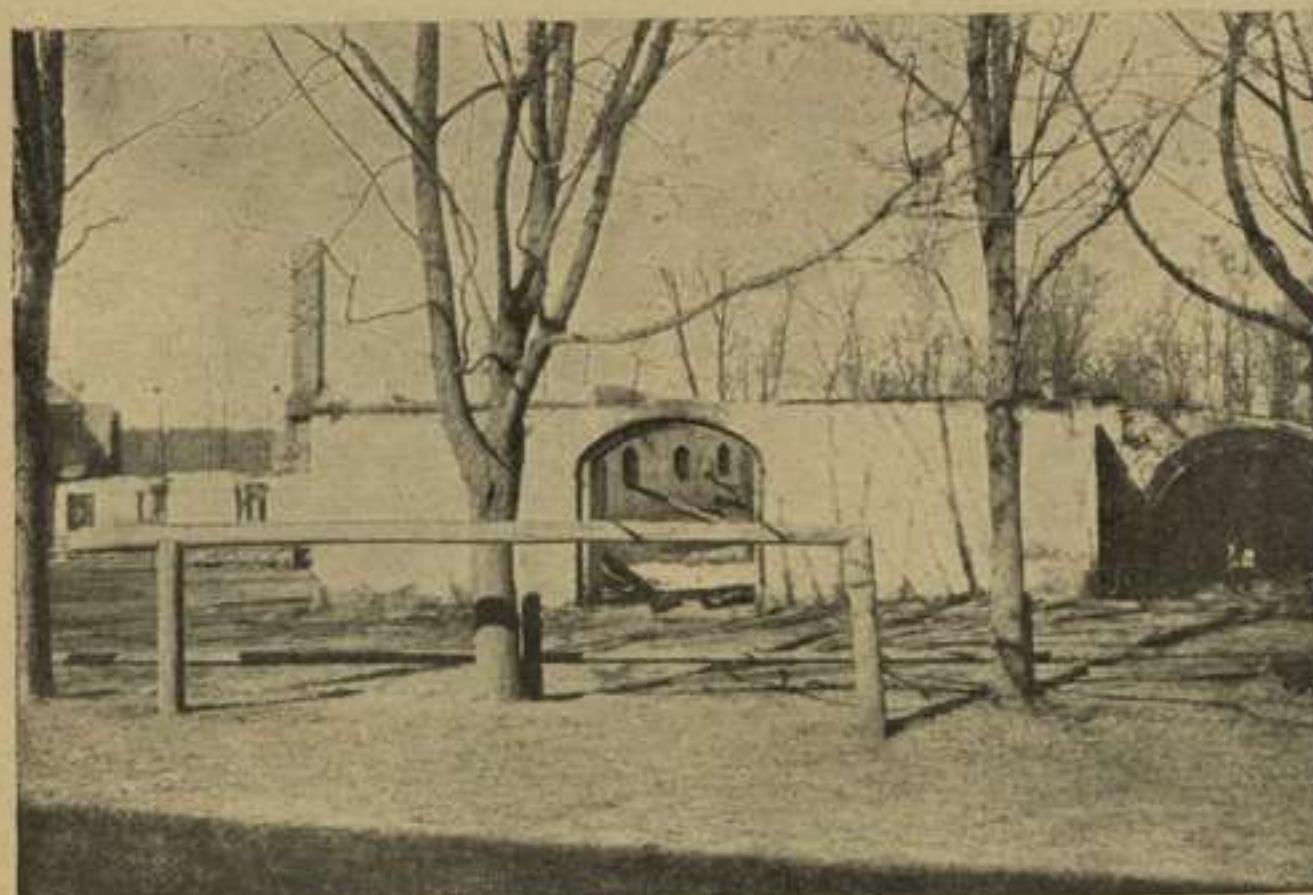
Очередь передъ котлами съ пищей.

НА ФРОНТЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Яма, образовавшаяся от германского «чемодана» и превратившаяся послѣ дождей въ озеро.

«ВЪ СТРАНЪ БАРОНОВЪ».

Развалы усадьбы помѣщика Бредериха, «Курмаленъ», близъ Гольдингена.
Бредерихъ пріютилъ у себя эскадронъ Померанскихъ уланъ, которые были
выбиты и разсѣяны полускадрономъ нашихъ гусаръ съ полковникомъ А.
Д. во глауби. Бредерихъ стрѣлялъ изъ винчестера по русскимъ солдатамъ.
Вместѣ съ остатками Померанцевъ онъ бѣжалъ въ Либаву, и теперь Нѣм-
цы назначили его бургомистромъ Гольдингена.

Барикада на мосту, сооруженная нашими гусарами близъ илья графа Мантефели-Априкенъ Владѣлецъ имѣнія постоянно живеть за-гриницей. Барикада была устроена гусарами, чтобы охранить отрядъ отъ набѣга Нѣмцевъ.

пост и колективных национальных личностей.

Правда, современная русская школа по-

правда, собранный русской школой пока что, может быть, больше всякой другой заражена еще «пережитками». Въ щьомъ мірѣ не найдется, пожалуй, другой страны, которая имѣла бы такую антинациональную школу. Вмѣстѣ со всѣмъ утрированнымъ бюрократизмомъ, на- саждавшимся у насъ цѣлый вѣкъ, и рус- ское школьнное дѣло было устроено по западному образцу,—въ частности—по нѣмецкой указкѣ. Вѣдь даже пресловутый батюскій «классицизмъ», до сихъ поръ лежащій въ основѣ нашей средней школы, былъ, какъ известно, цѣлкомъ скопиро- ванъ прусской школьнной системы, лишь «стерилизованной» исключеніемъ того патріотического элемента, который состав- ляетъ славу «школьнаго учителя» Гер- маніи.

Къ сожалѣнію, если тиѣ казеннѣй школы уклонялся у насъ въ сторону берлинскихъ губернеронъ, то поправка, вносимая къ этому идеалу общественными теченіями, также далеко не свободна отъ соблазна чужихъ методовъ. Только, соотвѣтственно общими демократическими симпатіями этихъ теченій, въ качествѣ образца здѣсь выбирается уже не прусская, а преимущественно американская школа.

Но, какъ спраедливо замѣчаетъ въ своей брошюрѣ г. Блонскій, нельзя «копію прусской или американской школы называть русской національной школой». Самая возможность этого недоразумѣнія обусловлена, очевидно, непониманіемъ той простой истины, что каждый народъ долженъ иметь *свою* особую школу. Какъ не существуетъ одного универсального языка (по крайней мѣрѣ, въ видѣ органическаго явленія), такъ не можетъ существовать и одного «общаго» типа школы, одинаково пригоднаго для всѣхъ народовъ и временъ.

Нельзя русскихъ дѣтей обучать русскому языку по «американскому методу», приспособленному къ особенностямъ англійской системы письма (современное наше педагогическое «увлечение», упоминаемое г. Елонскимъ). И довольно нѣльзя вводить въ программу московского «дѣтскаго сада» игры и танцы съверо-американскихъ дикарей (!), какъ это сдѣлала какая-то «образцовая программа», въ виду будто бы ихъ «большого культурнаго значенія»!

ихъ «большого культурного значения»:
Заботясь о дикаряхъ, мы до такой сте-
пени привыкли пренебрегать своимъ, что
тъ даже чаша великаго литература, эта, ис-
п-прекраснѣю выражению г. Блонскаго, «на-
бо, ша национальная краса передъ всѣмъ мі-
и-роль», до сихъ поръ не завоевала себѣ вѣ-

лишь школах достойного места. Въ женскихъ гимназияхъ, напримѣръ, она имѣеть для себя всего на одинъ часъ болѣе уроковъ, нежели русскіе! А въ мужскихъ наставляетъ передъ латыню и такимъ, въ сущности, совершеню специальнымъ знаніемъ, какъ математика (въ высшихъ формахъ алгебры и геометріи).

А русская географія? А русская история? Наші школьные «планы» составлены такъ остроумно, что въ первую голову «проходятся» подробно географіи «мира» и Западной Европы, а русская «затерялась» где-то въ срединѣ классахъ. «На выпускномъ экзаменѣ по истории готовятся больше по древней, нежели по русской». И нужно прибавить,—то же, въ сущности, не только въ выпускномъ, но и въ младшихъ классахъ. «Древнихъ героеvъ» русский ученикъ знаетъ всегда обстоятельства и тверже, нежели отечественныхъ. Но въ первой мысли г. Блонскаго, здѣсь съдора-ло бы привести тотъ биографический методъ, который такъ популаризовалъ въ вѣкахъ античные образы. Русскій Плутархъ могъ бы стать любимой книгой русскихъ дѣтей и дать имъ уму и воображенію несравненно болѣе, нежели тѣ прѣсные и отвлеченные «сокращенные курсы университетскаго преподаванія», которыми современные педагоги панически опасаются не могущихъ ихъ вмѣстить дѣтей. Наконецъ, зилющий пробль нашей школы составляетъ почти полное игнори-

Преосвященный МЕЛЕТИЙ, старообрядческий саратовский епископъ, избранный на съездѣ старообрядцевъ въ Москву 26 августа московскимъ архиепископомъ.

Англійскій военный лётчикъ Артуръ БИГС. ОРПЪ, потопившій бомбами съ аэроплана германскую подводную лодку.
Награждены орденомъ св. Георгія 4 ст.

Владимиръ Николаевичъ ЖУРНЬ.
Писатель-гигиенистъ, авторъ одной изъ популярнѣйшихъ книгъ въ Россіи,—«Мать и дитя».
2 сентября исполнилось 45-лѣтіе его научно-литера-
турной дѣятельности.

Платить спрашивалъ: «Что есть истина?» Г. Мейснеръ безъ всякихъ колебаній утверждаетъ:

Нѣть истины. Есть лишь точки зрения (зрѣнія)...

Если, въ зависимости отъ точки зрения, то, что представлялось человѣку сегодня въ одномъ освѣщеніи, завтра является ему въ совершенно другомъ,—«иныхъ грѣшино, завтра честно»,—то, разумѣется, ему ничего этого не остается, какъ сказать себѣ:

Странникъ, ты сбился съ дороги...

Гдѣ же твой путь?..—Неизвѣстно!..

Стихи г. Мейснера не ярки по краскамъ, но въ нихъ есть искренность, и, какъ отраженіе умственныхъ блужданій и религіознаго дилетантства поколѣнія, къ которому принадлежитъ авторъ, они несомнѣнно характерны.

В. Ю. Б.

Мелочи.

Еще о Парниѣ во время осаднаго положенія въ 1914 г.

(Окончаніе).

Съ закрытиемъ всѣхъ театровъ и увеселительныхъ заведеній положеніе столицы многочисленной въ Парниѣ актерской братіи сдѣлалось буквально безвыход-

Сестра милосердія 484 пол. подв. госпитала
Надежда Георгіевна Дубиніна,
Награждена Георгіевской мед. 3 степени.

И умру я холодный, таинственный,
Непохожий и всюду чужой.
Въ полѣ жизни, забытый, единствен-
ный,

Шелъ я міру пезримой тропой.

И «таинственные», и «единственные»,
несомнѣнно, представляютъ для насъ не
малый интересъ, но лишь тогда, когда они
головой выше окружающихъ, обыкновен-
ный же смертный, драпируясь въ туго
Байона или Лермонтова, только наглядно
показываетъ, до какой степени это одѣяніе
ему ис по плечу. Стихи г. Мейснера заслу-
живаютъ вниманія съ нашей стороны, но
совсѣмъ не потому, что авторъ, какъ онъ
утверждаетъ, на другихъ «не похожъ», а, па-
противъ, потому, что его настроенія и его
миропоганіе являются до известной степе-
ни типичными. Какъ видно уже изъ за-
главія, въ стихахъ г. Мейснера затрагива-
ются наиболѣе волнующіе человѣчество

П. Первон.

Среди религіозныхъ блужданій.

Печать «единственности» и покровъ вопросы о религіозныхъ вѣрованіяхъ. Ка-
какъ «единственность»—это тѣ знаки этничіи, ковы же вѣрованія самого поэта? На этотъ
о которыхъ мечтаетъ чуть ли не каждый счетъ онъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній
поэта. И г. А. Мейснеръ въ шестой книжѣ даетъ довольно определенный отвѣтъ, сви-
тиховъ, озаглавленной «Въ паутинѣ ре-
дѣтельствующій не столько о желаніи при-
мирить всевозможныя откровенія, сколько
о безпомощномъ блужданіи между ними.—
Буда или Христосъ?—задаетъ онъ во-
просъ, и отвѣчаетъ: и Буда, и Христосъ:

Со мною два высшія чуда,
При нихъ умираль я и роѣтъ:
Стократно рождавшіяся Буда
И вѣтно единій Христосъ...

Онъ готовъ молиться передъ изображеніемъ Мадонны, но,—признается онъ,—

Весталкѣ, созданной изъ гипса,
Я такъ же пламенно молюсь.

Это не то, что страшная Карамазовская
борьба въ душѣ идеала Мадонны съ идеа-
ломъ Содома; поэтъ просто «затеплилъ двѣ
лампады»,—и успокоился, такъ же, какъ
спокойно совмѣщаетъ онъ въ душѣ и други-
я другъ друга, казалось бы, взаимно
исключающія вѣрованія:

Я говорю: «Христосъ Воскресъ!
И гимнъ слагаю сатанѣ...

Въ концѣ концовъ, лозунги: «и Хри-
стосъ, и Буда», «и Мадонна, и Весталка»
должны обозначать: ни Христосъ, ни Буда,
ни Мадонна, ни Весталка! И поэтъ, съ
полною послѣдовательностью, признается
въ такой широтѣ своихъ религіозныхъ вѣ-
рованій, которая дѣйствительно граничитъ
съ полнымъ безразличіемъ:

Поклоняюсь святынѣ всѣхъ религій,
всѣхъ толковъ и вѣръ.

Такое блужданье характерно для автора
не только въ области религіозныхъ вѣрованій,—всѣ жизні представлена ему въ видѣ
хаоса, въ которомъ онъ не въ состояніи
найти «ни сочетанія, ни порядка»:

Всѣ дни и вѣтъ пути мои
Неразрѣшимая загадка
Въ неразрѣшимомъ бытѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ СИДОРСКІЙ, членъ совета
главнаго управления подѣлами печати и предсѣ-
датель московскаго комитета подѣлами печати.
А. А. Сидорову принадлежатъ литературные
труды: «Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ», «Исторический
 очеркъ русской печати въ Привис-
линскомъ краѣ», «Печать въ Юго-За-
падномъ краѣ», «Славянская идея и
польская автономія», «Инородческій
вопросъ и идея федерализма въ Рос-
сіи» и др. 3 сентября исполнилось 90-
летіе администраторской и обществен-
ной дѣятельности А. А. Сидорова.

Бонъ въ 1 рубль, выпущенный Либавскимъ городскимъ самоуправлениемъ взмѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Въ серединѣ «бона» гербъ городск. управления.

Полковник А. В. ЯДИМИРСКИЙ, дважды раненъ пулями и шрапнелью. За боевые отличия получил чинъ полковника и представленъ къ несколькимъ наградамъ.

нымъ, особенно женского персонала, такъ какъ мужчины остались самое незначительное число. Одни были призваны въ ряды армии, другие сами пошли добровольцами.

Не хватало все это лѣто, бѣдныхъ «стремоз» оглушаться не успѣли, какъ зима катитъ въ глаза... а съ зимой холода, «нужда, голодъ настаетъ!». Къ чести Парижанъ нужно сказать, что они оказались отзывающими трудолюбиваго муравья изгѣстной басни. Общество живо отклинулось на вѫду своихъ бывшихъ увеселителей. Въ различныхъ пунктахъ города было открыто нѣсколько безплатныхъ столовыхъ для артистовъ. Директора нѣкоторыхъ театровъ устроили на общей средоточіи родъ бесплатного ресторана для артистовъ въ «Jardin de Paris». Сюда стекались не только обездоленные жрецы искусства, но и многочисленныя армія мелкихъ служащихъ, машинистовъ, супферовъ, «онгтесес» и т. п., для которыхъ театры являлись единственнымъ средствомъ существования.

Оригинальную картину представляла одна изъ концертныхъ залъ «Jardin de Paris», превращенная въ общирную мастерскую, где послѣ обѣда актрисы са-

Ома ГАРКУНЪ, гренадеръ дворцовой роты.

Поступилъ въ настоящее время въ дѣйствующую армию на 71-мъ году жизни. Родился въ 1844 г. Во время Русско-Турецкой кампании былъ награжденъ знакомъ отличия военного ордена 4 степ. Служилъ на дѣйствительной военной службѣ до 1890 года.

лились за работу на армію. Здѣсь онъ обмыливались извѣстіями объ отсутствующихъ, причемъ геронческія роли, сыгранные многими изъ нихъ собратіи на театрѣ военныхъ дѣйствій, вызывали въ нихъ неподдельные слезы умиления...

По возвращеніи правительства изъ Бордо нѣкоторые театры, кафе-концерты и кинематографы снова открыли свои двери, но репертуаръ ихъ рѣзко измѣнился, да и требования публики были уже иными...

При самомъ началѣ войны кайзеръ, съ присущей ему самонадѣянностью, торжественно обѣщалъ своимъ войскамъ накормить ихъ чуднымъ обѣдомъ въ Парижѣ!

Но кайзеру, конечно, незнакомому съ мудростью русской пословицы: «на чужой каравай рогъ не разѣтай, а свой пропасай!», — такъ и не удалось пополниться французской кухней. Вмѣсто вступленія Нѣмцевъ-триумфаторовъ, Парижъ увидалъ на своихъ улицахъ торжественное шествіе родныхъ солдатъ, доставившихъ въ столицу отбитыя у враговъ знамена. При оглушительныхъ звукахъ марсельезы трофеи были помѣщены въ исторический музей при Домѣ Инвалидовъ.

Не меньшимъ развлечениемъ служили для Парижанъ демонстрации нѣмецкой авиации. Первый полетъ пресловутыхъ «таубъ» надъ Парижемъ состоялся 20 августа, около двѣнадцати часовъ дня. Вмѣсто визитной карточки, нѣмецкий авторъ оставилъ слѣдующее предупредительное возваніе: «Парижане, сдавайтесь, Нѣмцы подъ стѣнами Парижа!». Въ послѣдующіе за этимъ дни «таубы» продолжали свои полеты, не причиняя городу никакихъ поврежденій.

Военный губернаторъ Парижа, генераль Галліені (Gallieni), открылъ охоту на нѣмецкихъ «таубъ», разогнать эту хищную стаю. Но 27 сентября Парижане получили привѣтъ нѣмецкаго автора, лейтенанта фонъ-Деккера въ видѣ шести бомбъ, изъ коихъ одна, разорвавшись на аренѣ du Trocadéro, убила потаруса и тѣжело ранила лѣтчика, нѣкую Денизу Картье. Послѣдняя выказала при этомъ геронческое самообладаніе:

«Ради Бога, не говорите мамѣ, что это опасно!», — сказала она бережно укладывавшій се на посыпи санитарамъ. Дѣти нѣсколькохъ парижскихъ семей на другой день купили на свои сбереженія роскошную куклу и вручили ее маленькой героинѣ.

11 октября Нѣмцы бросили надъ Парижемъ цѣлый букетъ изъ двадцати бомбъ. Въ результатѣ — четверо убитыхъ и восемнадцать раненыхъ. Дѣвъ бомбы, попавшіе въ Notre Dame de Paris, не причинили собору никакого вреда.

Не унывающіе ни при какихъ обстоятельствахъ Парижане скоро смыклись съ появлениемъ воздушныхъ нѣмецкихъ би-ратовъ, это даже внесло, по ихъ мнѣнію, нѣкоторое развлечѣніе въ однообразную жизнь «осажденнаго» города. При приближеніи «таубъ» любопытная толпа высыпалась на улицы, сопровождая полетъ нѣмецкихъ птицъ всевозможными остротами, въ которыхъ особенно изощрялись парижскіе «гамены».

— Лети-ка, голубокъ! — во-своиенъ, да не оглядывайся! — И велика птица, да не орель! — и т. п. — кричали они вслѣдъ аэраторамъ. Даже осанистые полицейскіе, направлявшіе съ важностью перемоний-майстеровъ движения экипажей, забывав-

* Тауба — въ переводѣ голубь.

ЯПОНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Г-жа ТЕРАКУ-САНЪ и гг. ТОЗАНЪ и ЮНЕНАВО — японские музыканты, прибывшіе въ Петроградъ.

ли свои обязанности, увлекшись необыденнымъ зритѣлемъ.

Если Нѣмцы надѣялись своимъ аэро-планами вызвать въ Парижъ ганнику, то они жестоко обманулись въ своихъ рас-четахъ; 12 октября тауба сбросили свой «пропыльный прашѣтъ» на Сѣверный вокзалъ, не причинивъ ему вреда.

Нѣмцы разгромили французскую армію подъ Шарлеруа, вожди арміи оказались измѣнниками и преданы военному суду, одинъ уже разстрѣлянъ, другой покончилъ самоубіствомъ, — вѣдь эти нелѣпые слухи передавались изъ устъ. Нѣмцы будутъ въ Париже 15 августа, какъ обѣщалъ Вильгельмъ, утверждалъ болѣе «осѣдомленные». Столица совершенно беззащитна, врагу ничего не будетъ стоить завладѣть ею, добавляли они уже спустомъ про-исхожденіе.

«Нѣмцы разгромили французскую армію подъ Шарлеруа», вожди арміи оказались измѣнниками и преданы военному суду, одинъ уже разстрѣлянъ, другой покончилъ самоубіствомъ, — вѣдь эти нелѣпые слухи передавались изъ устъ. Нѣмцы будутъ въ Париже 15 августа, какъ обѣщалъ Вильгельмъ, утверждалъ болѣе «осѣдомленные». Столица совершенно беззащитна, врагу ничего не будетъ стоить завладѣть ею, добавляли они уже спустомъ про-исхожденіе.

Въ концѣ концовъ это зловредное на-шествіваніе принесло такие грандиозные размѣры, что правительство издало указъ о строжайшемъ преслѣдованіи распространителей ложныхъ извѣстій. Однако, съ переѣздомъ правительства въ Бордо, когда стало известно, что непріятельская кавалерія находится всего въ 40 километрахъ отъ столицы, болѣе слабонервные Парижане рѣшили подъ различными предлогами на премъ отдохнуть на лонѣ природы: одному необходимо было полечиться въ Виши, другого врачи настоятельно посыпали въ Кон-трексезиль, у третьаго въ провинціи уми-рать лягушка и т. п. Отъ этой неожи-данной жажды къ перемѣѣтъ мѣсть выигравшие желѣзныя дороги, а особенно по-сальники, прекрасно учтивавшіе пси-хологический моментъ.

Въ видахъ поощрения Парижанъ, остав-шихся на мѣстахъ, генераль Галліені приказалъ расклеть по городу объяв-леніе слѣдующаго содержания:

«Граждане! Правительство покинуло Парижъ, дабы дать национальной оборонѣ большую свободу дѣйствій. Получивъ

Г-жа ТЕРАКУ-САНЪ, съ «самисиномъ» въ рукахъ, ее мужъ, г. ЮНЕНАВО, за трехструнныи «кото» (родъ европейской лютни), и г. ТОЗАНЪ — виртуозъ на японской флейте. На-дняхъ японскіе артисты давали концерты въ лазаретѣ «Нового Времени» и «Вечернаго Времени».

приказать отставать столицу от врага, и
свято исполню свой долгъ».

О возвращении бывшего Парижане узнали лишь по оживлению улиц и бульваровъ. Все же роскошные автомобили попрежнему отсутствовали на улицахъ, такъ какъ при реквизиціи экипажей даже самые дорогие моторы шли за безцѣнокъ, причемъ некоторые изъ нихъ владельцевъ предлагали въ придачу санихъ себя въ качестве шоферовъ.

Платевые рассказы «блаженство» о всяческихъ неудобствахъ, инцидентахъ въ дорогѣ и невозможныхъ условияхъ провинциальной жизни высушивались благородно остававшимися на пасиженыхъ мѣстахъ даже съ некоторой долей злорадства.

Итакъ, уличная жизнь Парижа вновь закипѣла. Роскошные магазины Rue de la Paix и Большихъ Бульваровъ вновь открыты свои двери. Среди прежнихъ, художественно разложенныхъ въ витринахъ товаровъ, выдѣлились на первомъ планѣ предметы военного снаряженія. Главная приманка Парижанокъ, модные магазины, торговали очень вяло. Да и вкусы потребительницъ сильно упростились. О туалетахъ, вызванныхъ увлечениемъ моднымъ «танго», не могло быть и речи. Съ самаго начала военныхъ дѣйствій большинство Парижанокъ всѣхъ слоевъ общества, предложивъ свои услуги для ухаживания за ранеными и больными воинами, облеклись въ скромную форму сестеръ милосердія. Оставившись же не у дѣла ограничились костюмами строгаго стиля, напоминающаго военный покрой. Узкія юбки, стягивающія холѣбъ, уступили мѣсто широкимъ, постѣднѣй дали большую свободу движеніямъ, что вполнѣ гермоизировали съ военнымъ флагомъ простенікъ или плащъ. Замѣтно преобладали пѣнта темно-синій и черный. Во всемъ чувствовалась стройная экономія, хотя жизни, несмотря на военное время, почти не вздорожала въ Парижѣ, гдѣ какъ благодаря распорядительности муниципалитета и широкому развитию кооперативовъ продовольственный вопросъ былъ блестательно разрѣшенъ. Нѣкоторыя попытки торговцевъ къ повышению цѣнъ, еще въ самомъ начальѣ войны, были сразу преѣчены разумными мѣрами и угрозой строгихъ взысканій.

Война и могучій подъемъ патріотизма не могли ненести нового направленія въ мирѣ искусства вообще и музыки въ частности. Такъ, оперы Вагнера, пошедшия за послѣднее время въ моду въ Парижѣ, были теперь преданы острокизму.

Подводимое ниже чистосердечное признаніе ярой ванчерики служит нагляднымъ доказательствомъ освобожденія парижской публики отъ нѣмецкаго засилья въ области музыки.

Письмо парижской меломанки подругѣ, живущей въ провинціи:

«Парижъ, 15 ноября 1914 года.

«Дорогой другъ!

«Отъ души радуюсь выздоровленію твоего мужа, раненаго, какъ я слышала, въ одномъ изъ славныхъ боевъ на Марнѣ. Надѣюсь, ты теперь вполнѣ успокоенъ.

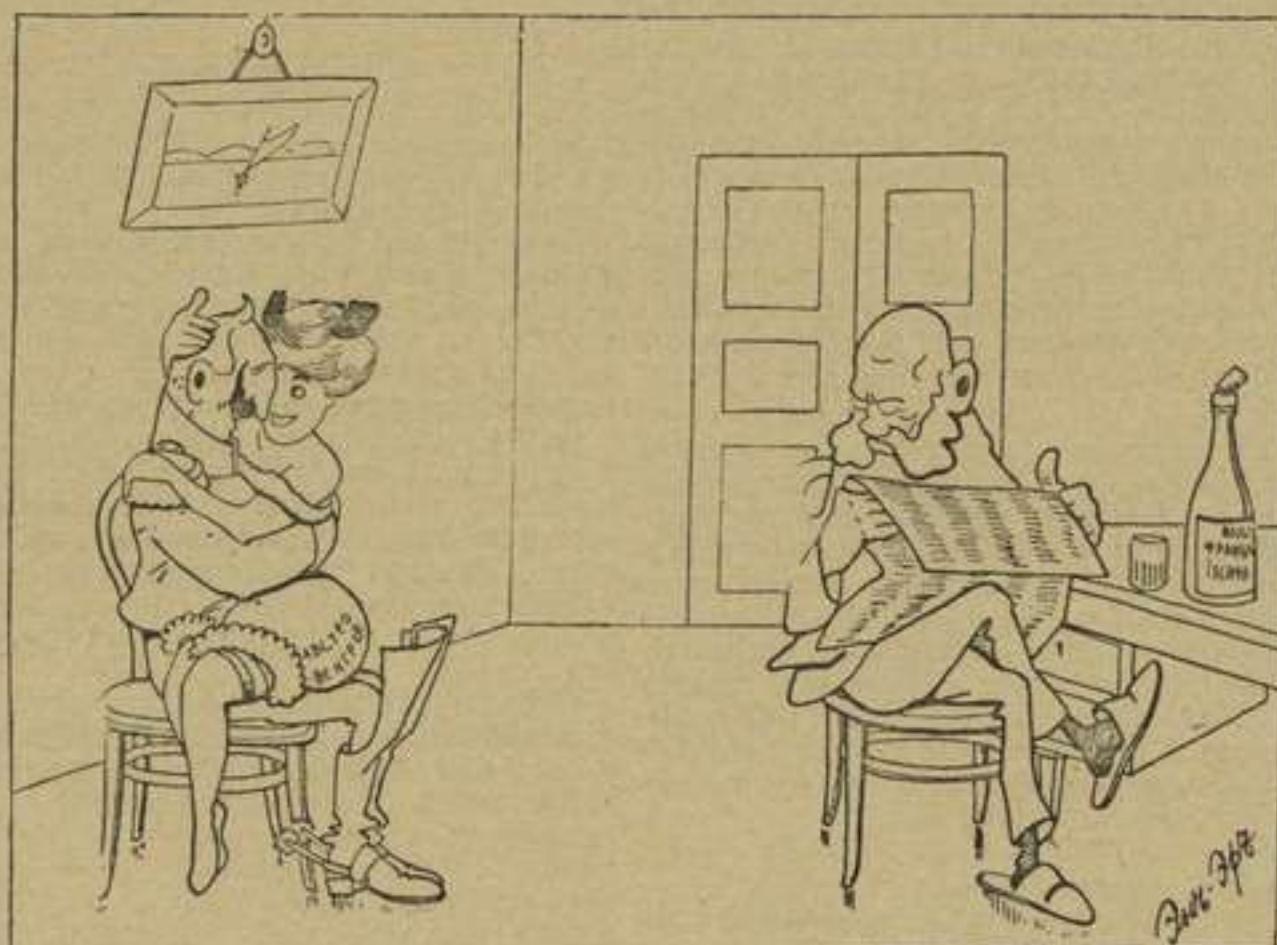
Гусарскій унтер-офицеръ Георгіевскій кавалеръ ШАТАЛОВЪ рядомъ со своей скульптурной группой, выполненной изъ рѣчной глины въ Курляндіи въ замкѣ Априненъ, тотчасъ же по завѣтіи его нашимъ эскадрономъ, выбывшимъ оттуда сильный германский отрядъ.

Группа изображаетъ Вильгельма II, котораго схватили за носъ русскій солдатъ.

Снимокъ А. Д. Далматова.

... фактически Австро-Венгрии, какъ государства, не существуетъ: ея арміями командуютъ нѣмецкіе генералы, дипломаты Вильгельма II вѣдаютъ ея внѣніи шампанскими дѣлами и т. д.

(Изъ газеты).

«Ménage en trois».

лась послѣ пережитыхъ страховъ и волнений.

«Съ своей стороны хочу обрадовать васъ обоихъ добрымъ извѣстіемъ: «И я сожгла то, чему поклонялась, поклоняюсь тому, что сжигала»,—это лучшее опредѣленіе моего душевнаго состоянія въ настоящее время. Да, другъ мой, на меня нашло просвѣтленіе, уши мои отверзлись, я ужъ больше не вагнеристка! Парифаль, Майстерзингеры, Лознгрипъ, Колпъ Ниделунговъ—весь гипнозъ вагнеровской музыки, все это теперь отошло въ область забвения!

«Но, чтобы обращеніе мое на путь истину было безвозвратнымъ, я должна привести полное покаяніе изъ своихъ былыхъ грѣхъ. Однѣ ужъ Парифаль какихъ мнѣ стоилъ жертвъ! Сказатъ только, что изъ боязни опоздать къ первому акту, мы, рабы столичныхъ привычекъ, рѣшились обѣдать по-провинциальному.

«Бѣдный старенький Faustъ, какъ несправедливы и неблагодарны мы были по отношенію къ нему! Вообще національная музыка казалась намъ наивной и отжившей. Въ погонѣ за новизной, мы, часто ничего не разбирали въ хаотическомъ гротѣ музыки Ниделунговъ, считали ее какимъ-то откровеніемъ, что, однако, не было нашей болтовнѣ и дилитру во времена «священнодѣйствія». Теперь странно даже объ этомъ вспоминать, и мнѣ кажется, что я не въ силахъ была бы слушать пѣменную музыку. Вмѣсто звука въ Багнера мнѣ слышалась бы аловѣй трескъ разрывающихся бомбъ, гротѣ орудий, сокрушавшихъ наши древнія святыни, вопли истязаемыхъ женщинъ и дѣтей, стоны раненыхъ и умирающихъ...

«Нѣтъ, возврата къ прошлому увлечению быть не можетъ! Теперь я снова опѣнила красоты французской музыки и краснѣю за свой временный заблужденія.

«Когда я приѣду къ тебѣ погостить, дорогой другъ, ты должна будешь пропеть мнѣ весь репертуаръ старинныхъ французскихъ пѣсенокъ, казавшихся мнѣ въ моемъ «снобизмѣ» такими смѣшными и вызывающими у меня въ настоящее время слезы умилія.

«Предвкушаю также удовольствіе видѣть въ будущемъ сезонѣ столь увлекательный весь Парижъ, русскій балетъ и услышать вновь динамію мелодіи русскихъ оперъ. Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ славные наши союзники!

Однако я совсѣмъ расчувствовалась, боюсь расплакаться показанными слезами, а потому спѣшу мысленно расплѣвать тебя. Плюшу передать мой привѣтъ доблестному твоему воину...»

РЕДАКТОРЪ Б. А. СУВОРИНЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА—

«НОВОЕ ВРЕМЯ».

ДЕНТОЗОНЪ

прекрасная осѣщающая полость рта зубная паста и зубное полосканіе. Дентозонъ прѣятъ на вкусъ, гигиениченъ и абсолютно безвреденъ. Дентозонъ даетъ зубамъ здоровую бѣлизну и прекрасный блескъ. Продаются вѣздѣ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Столъбергъ и Ко, Лондонъ, Парижъ. Петроградъ.

САМОКРАСИЩІЯ ГРЕБЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 10 р. только силою въ нихъ тока складъ новыхъ изобрѣтеній П. трафикъ. Морисонъ, 22.

ВѢСНИКЪ МОДЫ

содержитъ въ Сентябрьскіхъ №№: 105 ис. памскаго и дѣтскаго туалетовъ; 82 рис. рукодѣлій; 46 иллюстрацій. Иродиада. Понѣсть. Г. Флобера. Побратимы. Рал. Ж. Дори. Предсказания о во и во (съ портетомъ М-ца Табъ). Будьте бережливы. Н. А. Обманчивая экономія. А. П. К. (съ рис.). Массажъ раненыхъ. (съ рис.). Психологія ребенка. Фавор. Четыре темперамента по Кант. О вентиляціи и. Д-ра Гейнера. Женская хроника. Кухня. Домоводство. Полезные сопѣты. Подлинка продолжаетъ съ 1-го Іюня (первое полуг.-1' распродано) на годъ 6 руб. 75 к. 8 р. 50 к. 1/4 р. 2 р. 25 к. № 50 к. Петроградъ, Италия и скла.

Новое изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

Николай Энгельгардтъ.

ІСТОРІЯ РУССКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ

XIX СТОЛѢТІЯ.

Томъ первый. 1800—1850 гг. Критика.—Романъ.—Повѣстія.—Драматургія. Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Стр. ХІІІ+617. Цѣна 3 рубля.

Томъ второй. 1850—1900 гг. Критика.—Романъ.—Повѣстія.—Драма. Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библиографіи, алфавитного указателя и обонимъ томамъ въ очеркѣ развитія формъ и направлений новѣйшей русской литературы (1890—1900—1915 гг.). Издание 2-е, исправл. и дополн. Стр. VII+92. . . р. 50 к.

ДОВА
БІБЛІОТЕКА
СУВОРИНА.

ДВѢ ДІАНЫ

А. Л. ДЮМА

Романъ
изъ трехъ частей.
Цѣна 1 р. 50 к.

Новое Время

Основатель А. С. Суворинъ.

37

№ 14198

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 19-го СЕНТЯБРЯ (2-го ОКТЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14198

Наша лихая кавалерийская контръ-атака подъ Б.

Rис. В. Струбинский.

Сигара.

Объза спутница, въ приятельскомъ
кружкѣ,
Тепло дающая столу, бесѣдѣ, винамъ, сталь, точно небо выплакало всѣ свои слезы. Тяжелыя свинцовые тучи сползли къ камы, шаловливыя, ропчушия, воркующая каминомъ
Въ твоемъ подернутомъ золою огонькѣ.

Ты дышаешь медленно и коротко живешь,
За струйкой синяго, мечтательнаго дыма,
Какъ будто прошлое несется мимо...
Страна далекая, куда лишь духъ пашъ вхожъ.

Кто не позѣвалъ, въ уютный, мирный часъ,
Пока плѣнительный твой огонекъ не гасъ,
О грезахъ юности, мерцающихъ въ светлой дали,
О чарахъ женщины, о прелестахъ любви—
И въ пеплѣ тлѣющемъ не слышалось:
«прости»,
Когда тебя, погасшую, кидали?..

Н. Вильде.

Живоглотъ.

Разсказъ.

востоку подъ дыханіемъ налетѣвшаго волны, подгоняя неуклюжія, тяжелыя рыбакія соймы, перегруженныя добычей.

Недавно все однотонно-стroe и тусклое. На пристани уже маячили зеленые, бѣлые и красные огньки фонарей, и тамъ и сямъ, на черныхъ мокрыхъ плотахъ и

сходняхъ виднѣлись рѣдкіе темные силуэты. Но сдаа подвала первая сойма, откуда ни возьмись, куча обрванныхъ, босоногихъ, съ подобранными выше колѣнъ штанами, безъ шапокъ, мальчишкъ шаромъ-варомъ скатилась подъ откосъ къней наизстрѣчу.

Звонкій дѣтскій голосъ выкрикнулъ:

— Швартовъ!

И вотъ уже пойманъ брошеный съ соймы канатъ съ дружнымъ возгласомъ:

— Есть!

И худенькія руки мальчиковъ, рыбакиныхъ ребятишекъ-мальшай,—кто постарше, всѣ уходить въ море,—подтянули судно къ деревяннымъ мосткамъ и обмотали чернымъ липкимъ смолянымъ канатомъ столбъ.

— Съ прибытиемъ!—зазвенѣли голоса.—Какъ вожились?

— Полно!—допеслось съ соймы.

И три рыбака одинъ за другимъ легко и проворно спрыгнули съ носу на мостки.

— Вы, ребята, идите грѣться,—сказалъ старшій,—а я уберусь.

Высокій, плечистый, сутуловатый человѣкъ, съ проѣздью въ густыхъ бровахъ и волосахъ, бородатый, загорѣлый, весь въ глубокихъ морщинахъ отъ соленой воды, солнца и вѣтра, распространѣлъ отъ себя запахъ моря и свѣжей рыбы. Добродушно улыбнулся онъ ребятишкамъ.

— Ташите, кто посыльный, воинъ на

Ген.-офф.-артил. И. И. МРОЗОВСКІЙ, бывшій командиръ гренадерскаго корпуса, назначенный коман-
дующимъ войсками московскаго военнаго округа.

Со фот. В. I. Шубской-Корсаковой, въ Москве.

«ПАМЯТНИК ТОВАРИЩАМЪ-НЕПРЯТЕЛЯМЪ».

Надпись на памятнике:
Австро-венгерский оберъ-лейтенант наблюдатель Чижинский и унтеръ-офицеръ (неизвестный) погибли въ бою съ русскими летчиками 24 июня 1915 года. Погребены съ отданіемъ воинскихъ почестей.

Надпись на лентѣ вѣнка:
Товарищамъ-непрятелямъ Русский авиационный отрядъ.

Погребены на кладбище въ м. Тлусте.

— Цыць, пострѣлята!—цыкнулъ сердито синлымъ голосомъ Живоглотъ.

И когда на мостки ступила его грузная фигура, утая доски заходили у него подъ ногами и необъятное брюхо съ болтающейся на немъ цѣлочкой французского золота выставилось надъ головой, — изъ ребятишекъ не осталось никого, точно провалились. Чуть-чуть назади держались остальные трое. Рыжий—тяжелый, неуклюжий мужикъ съ бородой лопатой, въ картузѣ, въ сапогахъ гармоникой и въ красной кумачной рубахѣ подъ толстымъ драповымъ пиджакомъ. Рядомъ Козырь въ пальто, въ измятой пражмальной рубашкѣ, въ штиблетахъ и калошахъ, съ тросточкой и съ кольцами на указательномъ пальце, худой, тонкий съ закрученными кверху усами, съ синими бритыми щеками и злымя, упрямымъ подбородкомъ. Глаза у него были полу-закрыты вѣками, и вся фигура и повадка его выражали презрѣніе и недовольство.

Терехинъ, очень еще молодой, рыхлый, мягкий, блѣдорысый и бѣлоголовый, въ хорошо спитомъ сюртуке и въ котелкѣ, съѣхавшемъ на затылокъ, съ влажными некомъ на всегда потномъ лбу, съ лицомъ расплывчатымъ, съ чуть пробивающимися ружими успаками, съ недоумѣвающимъ

Сотникъ МОСОЛОВЪ.

Сотникъ Мосоловъ участвовалъ съ роднымъ полкомъ во всѣхъ бояхъ полка первого периода войны. При разбѣгѣ 21 июля, какъ разъясняется, раненый въ этотъ же день кѣстовой Бородинъ, сотникъ Мосоловъ, чтобы вполнѣ оправить мѣстность передъ атакою нашей пѣхоты, довѣль разбѣгу вплотную до непрѣятельскихъ окоповъ, причемъ его лошадь была ранена пятью пулами. 4 августа сотникъ Мосоловъ былъ убитъ наповалъ, пораженный пулей въ високъ при атакѣ нѣмецкой пѣхоты спѣшишаго полка.

погрушенье ваша корзина.

И пока двое малчугановъ волокли съ судна корзину съ рыбой, рыбакъ наклонился къ остальнымъ и спросилъ:

— Не приходили еще?

— Здесь, дяденька, здесь,—зашептали дѣти.—Давно сидѣть. Чай въ трактире пьютъ.

— Всѣ?—спросилъ рыбакъ.

— Да никакъ всѣ. Всѣ и есть.

— Всѣ,—сказалъ большеголовый, блѣдорысый малчуганъ.—Я всѣхъ видѣть. Первый Терехинъ пришелъ, а потомъ тѣ двое. Рыжий съ Козыремъ, а апосля всѣхъ и Живоглотъ подвалилъ. Стерегутъ. Чать, сейчасъ придутъ.

Всѣ четверо уже спускались по ступенькамъ крылечка стоявшаго тутъ же на берегу длиннаго деревянного одноэтажнаго дома съ мезониномъ, свидѣтельствомъ глубокой старинны, и башенкой-бельведеромъ, притулившейся сбоку къ недавнѣй времена, какъ архитектурное украшеніе и уступка требованіямъ моды.

Ген.-м. Ив. Ем. ГУЛАМА.

Награжденъ Георгиевскимъ оружиемъ за то, что при переходѣ отряда изъ наступленія противъ Турокъ 11 декабря 1914 года, получивъ приказаніе атаковать участокъ укрѣпленной позиціи Турокъ у сел. Т.-Х., прочно и однѣнѣльно обстановку и, сдѣлавъ соотвѣтствующій распоряженія, блѣстяще выполнилъ эту задачу; послѣ упорнаго сопротивленія Турки были выбиты изъ своихъ окоповъ и сел. Т.-Х. знато, что поклоняясь за собою стѣнное отступление всѣго праваго крыла Турокъ.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТЕ.

Доставка припасовъ и патроновъ на горные позиціи.

тelaчимъ взглядомъ заплывшихъ жиромъ — Какъ не нужна?—растерянно спрашивалъ, закурилъ, закурилъ и мечтательно — А такъ. Я тебѣ что говорилъ?—сталъ глядѣть вдалъ на море.

Рыбакъ низко кланялся.

— Дѣвнадцать тысячъ, ужъ это вѣроно,—говорилъ онъ,—съ походомъ двѣнадцать съ рѣдкой русой бородкой и безбрюзовыми

закуривателемъ, закурилъ и мечтательно — А такъ. Я тебѣ что говорилъ?—съ сердцемъ сталь глядѣть вдалъ на море.

Рыбакъ низко кланялся.

— Огромное, одутловатое, багровое лицо по,—говорилъ онъ,—съ походомъ двѣнадцать съ рѣдкой русой бородкой и безбрюзовыми

закуривателемъ, закурилъ и мечтательно — Я тебѣ что говорилъ?—съ сердцемъ

сталь глядѣть вдалъ на море.

— Да коли нѣть ея?—спросилъ вѣдругъ накидывается на рыбака Живоглотъ.

— Огромное, одутловатое, багровое лицо по,—говорилъ онъ,—съ походомъ двѣнадцать съ рѣдкой русой бородкой и безбрюзовыми

закуривателемъ, закурилъ и мечтательно — Я тебѣ что говорилъ?—съ сердцемъ

сталь глядѣть вдалъ на море.

Козырь даже отвернулся, точно не слышать. Терехинъ курилъ и глядѣть вдалъ.

— Такъ, какъ же, господа купцы?—Смытесь, ничего не говорить и только продолжай рыбакъ.—Берете, что ли?—плещется скорлупками.

Ужъ я вамъ уважу. Дѣвнадцать тысячъ. — Куда я съ ней теперь?—говорить

Такая вага, что только благодарить Господа. Какъ подняли мережи, почитай, въ лѣмъ кафтанѣ.—Въ городъ не повезешь,

каждой петѣнѣ по рыбѣ, такъ на зебрахъ даромъ ночь пройдешь, а звѣтра тоже свини и висить. Да, большая, крупная. Вы за. Берите вы, Христа ради, я бы сойму

глазы-ка, какак!

Молчать.

— Что-жъ, господа, купцы, развязали бы вы меня хотѣть что ли? Ужъ больно салака-то хороша. Прямо съ улова, живехонька. Я бы не подорожился. Домой хочется. Иzzѣбъ. Горяченько бы поѣсть, да и спать завалиться. Ужъ вы не томите меня. Ночь идетъ, куда мнѣ въ теменьто съ ней?

Молчать. А ночь идеть торжественная, тихая и печальная, какъ прекрасная женщина въ траурѣ.

— Подождемъ еще, не подѣдуть ли,—произноситъ вѣдругъ Терехинъ.

— Не скоро будуть!—говорить рыбакъ.—Въ ночь придутъ, а которые только къ утру. Да и нѣть у нихъ салаки. Всѣ къ намъ попала.

— Салака,—презрительно отзыается Козырь.—Тоже, рыба. Что твой салака, стерильдъ, что ли?

— Бѣтъ съ чѣмъ, а дурень съ дудой,—откликается Рыжий, сплевывая скорлупки.

— Не нужна намъ салака,—твѣрдо произноситъ Живоглотъ.—Не нужна, и баста.

Полк. графъ Н. Н. ЛІТКЕ.
Паль въ Союзѣ.

БЫВШАЯ АРТИСТКА МАЛГО ТЕАТРА.

Ольга Александровна ДИЛТОВА-ПЕЛИКАНЪ.
Сестра милосердія військового летучого отряда. Работает съ начала войны. Получила два золотыхъ медали за усердіе и два Георгіевскихъ медали 4 и 3 ст. Участвовала въ японской войнѣ, была при Чусимѣ на госпитальномъ суднѣ «Кострома».

три ушелъ бы въ море. А? Берите, право. Ну, почемъ не жаль?

— Чудакъ ты человѣкъ,—съ пренебреженіемъ роптѣтъ Живоглott.—Почемъ не жаль! Дай тебѣ, по чѣмъ не жаль,—такъ обидишься, а и того жаль, коли мигъ твоего добра даромъ не нужно.

— Да ты цѣну-то скажи. Почемъ даешь? Твоя цѣна какая будеть? Говори, цѣну свою, говори. Ей-Богу, отдамъ.

Живоглott вдругъ полуобращивается къ рыбаку, переступаетъ съ ноги на ногу и оглядывается его всѣго, точно видитъ въ первый разъ, любопытнымъ и испытующимъ, пренебрежительнымъ взглядомъ. Время становится тугучимъ, безконечнымъ. Острымъ, дикимъ и гнѣвнымъ огнемъ загорается взоръ рыбака.

— Да, ужъ не таини за душу, говори,—вырывается у него.

Полковникъ А. Ф. ТЕРЕХОВЪ.
Награжденъ Георгіевскимъ оружиемъ.

Добров. З. В. фонъ-деръ РООПЪ.
Награжденъ Георг. кр. 3 и 4 степ.

Но Живоглott не сильнѣтъ. Молчитъ, пытливъ, переваливается съ ноги на ногу, наслаждаясь смущеніемъ рыбака.

Онь чувствуетъ себѣ господиномъ минуты, любуется самъ собой и знаетъ, что имъ любуются пріятелі.

— Восемь гривенъ,—роняетъ онъ.

Эти два слова, ясно и раздѣльно сказанныя хриплымъ сердитымъ голосомъ, точно рассказываютъ полную напряженной ожиданіи атмосферу.

Рыбакъ вскидывается.

— За что даешь?—недоумѣваетъ онъ. За что восемь-то гривенъ?

И тѣмъ же голосомъ, такъ же рѣзко, жестко и безвозвратно падаютъ другія два слова:

— За все.

— За все?

Рыбакъ, не вѣрь ушамъ, смотрить на Живоглottа. Смѣется онъ, шутки шутить?

Но серъезенъ, мраченъ и важенъ Живоглott.

Смотрѣть рыбакъ на остальныхъ, не смыются ли они. Нѣтъ. Стоять все, какъ идолы. Даже у Рыжаго спряталась привычная усмѣшка. Безъ этой усмѣшки точно застыло его лицо и превратилось въ каменію, тупую, беспощадную маску.

— За все?—пролепеталъ рыбакъ.

Голосъ у него упалъ и тихо вздрагивали могучія, мускулистыя, съ почериѣвшими отъ загара кистями, опустившіяся вдоль тѣла, руки.

За много лѣтъ, что онъ зналъ ихъ, каждый разъ при продажѣ они устраивали ему какую-нибудь штуку, отъ которой у него падало сердце, занимался духъ,

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА ПОБѢДЫ, ОДЕРЖАННОЙ ФРАНКО-БРИТАНСКОЙ АРМІЕЙ НАДЪ ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ ПРИ Р. МАРНѢ.

Годовщина (24 августа) марнскій побѣды была ознаменована во Франціи трехдневными церковными торжествами. Въ эти дни были совершены погребальныя мессы на братскія могилы воиновъ, павшихъ за отечество въ Шампіи, Барси и Валлеруа.

— И уѣзжай,—поддакнулъ Рыжий.—Монтица-то у тебѣ толста, да не съвѣтъ горбомъ и наживай.

— Съ деньгами, братъ, и тутъ не плохо,—отозвался Козырь.

— Такъ, какъ же съ рыбой-то? Что жъ миѣ, паздѣ въ море ее бросить, что ли?

— Вотъ присталь человѣкъ,—пренебрежительно и злобно фыркнула Живоглott.—Чего еще? Даемъ тебѣ цѣну. Не нравится, мы съ деньгами не навязываемъ.

— Восемь гривенъ?

— Восемь гривенъ.

— За все?

— За все.

— За двѣнадцать-то тысячу?

— Да что я, считалъ твою рыбу, что ли?

— Я жъ тебѣ говорю, корзины у насъ четыре мѣдныхъ пятака и бросиль ихъ на задонъ рыбаку.

— Ну, и пущай. Намъ считать не-ли,—уныло сказалъ тотъ.

— А еще божился!—подразнилъ Рыжий.—По моему, рыба эта намъ совсѣмъ не на руку, ну, да ужъ куда ни шло, хочу я съ тобой разговаривать, не хочу.

Понимашь? Не желаю. Толкай вотъ съ жїй.—По моему, рыба эта намъ совсѣмъ не на руку, ну, да ужъ куда ни шло, хочу я съ тобой разговаривать, не хочу.

— Да какъ же толковать-то, коли у прибавить можно. По пятаку съ насъ можно, вотъ тебѣ и на чай.

Иванъ Семенычъ?

— А неѣрный ты человѣкъ,—заговорилъ Корызъ.—Сейчасъ божился, что отъ-гласны, я противъ не пойду. Подобрай,

— Ужъ прибавить бы еще копѣйка, за что возьмемъ, а какъ дѣло до твоего счастья. У кого мелочь есть, пла-ку-то,—покорно протянулъ онъ.

— Достаточно,—строго оборвалъ Рыжий.

Рыжий вытащилъ изъ-за пазухи кожа-жїй.—Намъ, братъ, копѣйку не дѣлать.

— Ладно, будетъ, прибавили,—ото-

Капит. М. П. БІРКЪ.
Награжденъ Георгіевскимъ оружиемъ.

Полковникъ бар. И. Н. МАЙДЕЛЬ.
Награжденъ Георгіевскимъ оружиемъ.

Добров. З. В. фонъ-деръ РООПЪ.
Награжденъ Георг. кр. 3 и 4 степ.

КЪ 20-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ТЕАТРА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА, ТЕПЕРЬ
ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА.

Алексей Сергеевич СУВОРИН.

Полина Антип. СТРЕПЕТОВА (†).

Театръ Литературно-Художественного Общества, теперь театръ А. С. Суворина.
Съ фот. Конс. Глыбовской.

СРЕДИ АРТИСТОВЪ МАЛАГО ТЕАТРА.

Вас. Пантелей ДАЛМАТОВЪ (†).

звался Живоглоть.—Вѣдь этакій вы изродь, право. Ну, что копѣйка, велики ли деньги, и ту поровнѣе выкланчить.

— На твой копѣйку,—вступилъ Терехинъ.—На. Пущай, за мой счетъ. Держи.

— Идемте, что ли,—сказалъ Живоглоть и тяжело повернулся къ берегу.

Всѣ двинулись за нимъ.

— Подводчицъ-то, небойсь, ужъ скоро подойдетъ?—крикнулъ рыбаку Козырь.

— Ты не прохладаися, пошевеливайся. Разгружай соймы-то.

— Вотъ подѣлутъ ужо молодцы вѣши, разгрузимъ, долго ли,—откликался рыбакъ.

— Разгружай, говорю, покамѣсть. Не иди, зови ребятишекъ-то.

На ходу Рыжий ломался и тоющимъ, пѣвучимъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ въ лавѣ съ покупателями, подсматривалъ и подмиталъ, пѣль.

— Кусается ионче рыбка, господа жители, кусается.—Ужъ на что салака, са-мая, можно сказать, послѣдняя рыба,—з ту дешевле четырехъ копѣекъ десятокъ вѣмъ не укушитъ. Сотню-то,—и ту черезъ силу за тридцать пять копѣекъ отдаются.

И, уже усаживаясь за столъ въ трактирѣ, онъ весь трепещетъ отъ внутреннаго смѣха, все еще разливается соловьемъ.

— Дорогонка рыбка, охъ, дорогонка. Какъ концы съ концами сводимъ, и сами не знаемъ. Про высокіе соута ужъ не говорю. Стерлядь, напримѣръ, или взять красную рыбу—сущій зарѣзъ. Только что вотъ къ этому дѣлу съ поконъ вѣковъ приставлены, а то все въ убытокъ себѣ. Отъ необразованности нашей. Хозяйство у насъ въ Россіи обширное, но плохое. Просыщенія нѣтъ. Приказано торговатъ, наживаться, а какъ наживать, какъ торговатъ—пути не указано. Невѣжество. Хе, хе, хе!

И разсыпался мелкимъ, звенящимъ смѣшкомъ.

А Козырь, растопырилъ правую, коравую, загребистую лапу, указательнымъ пальцемъ лѣвой, загибая на ней пальцы и дѣловито и сухо высчитывать:

— Мелочь, ежели теперь, пустимъ тысяча по два рубля, пушай...

Живоглоть перебилъ:

— Клади больше.

— Не мѣшай. Тамъ потому видно будеть, для примѣра только. Тысяча, значить, по два рубля будемъ класть, половину на половину, значитъ, шесть тысячъ, двадцать рублей. Танерича другія шесть тысячъ пустимъ сотиами, класть по шесть гривень сотни самую крупную, среднюю по сорокъ, выйдетъ на кругъ рублей на пять тысячъ, вотъ тебѣ шесть тысячъ по пяти рублей, тридцать рублей, а съ прежними сорокъ два будеть, да походу рублика на три наберется, вотъ тебѣ и вѣсъ сорокъ пять.

Живоглоть одобрительно мотнулъ головой:

— Правильно. А четвертакъ напѣ же тутъ гдѣ-нибудь завалился.

И только Терехинъ сидѣлъ молча, курілъ, смотрѣлъ на колечки дымъ и думалъ объ Испаніи, а мелкій, звенящій смѣшокъ Рыжаго то и дѣло возвращалъ его къ дѣйствительности:

— Дорога ионче рыбка, господа жители, дорога, кусается!

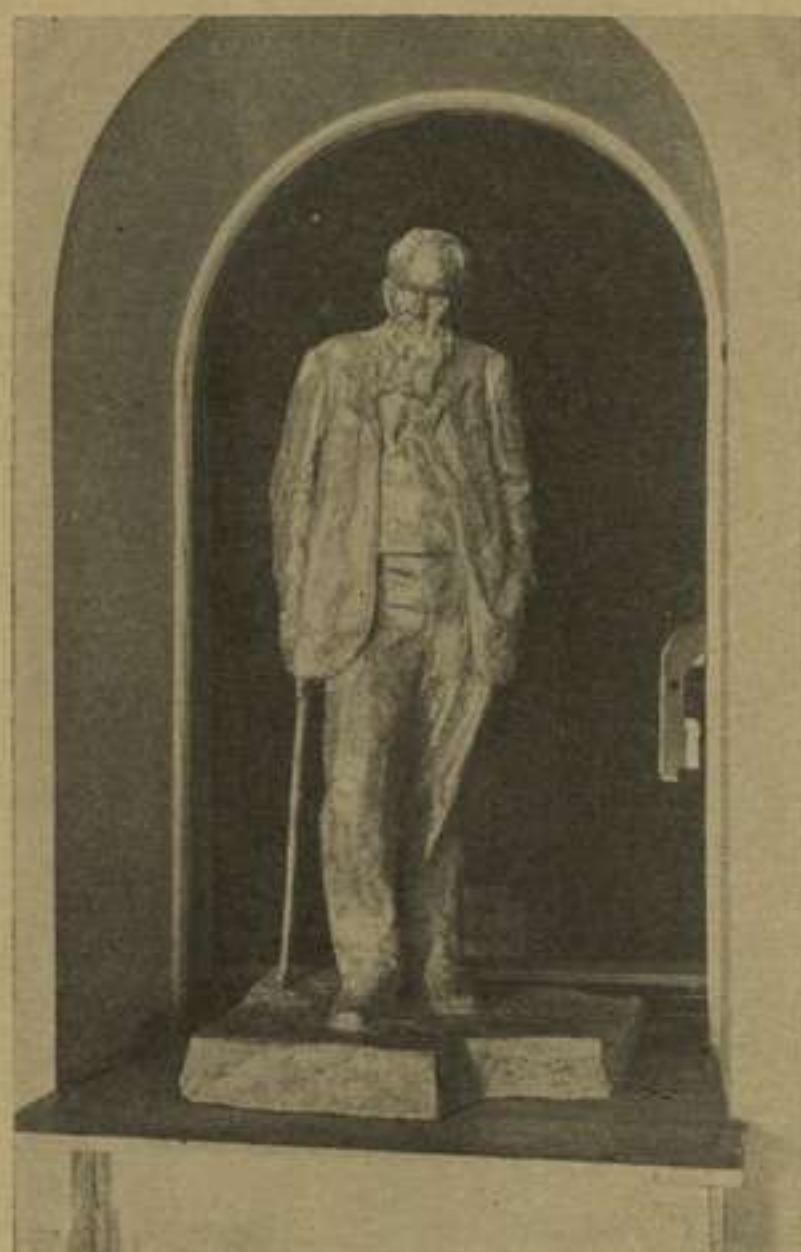
Маркъ. Васанинъ.

Жочь.

Какая ночь! Какъ черная громады
Столпились облака, недвижно въ небесахъ.
Ни шороха въ травѣ, ни шелеста въ кустахъ,
Въ застывшемъ воздухѣ не слынитъ прохлады.
Непроницаемо для взора слила въ муть,

Павелъ Никол. СРЛЕНЕВЪ, въ заглавной роли
въ пьесѣ «Царь Феодоръ Іоанновичъ»
гр. А. Толстого.

Основатель театра Алексей Сергеевич СУВОРИН.
Скульптура работы художника Шернуда, находящаяся в фойе театра.

Вход в фойе театра А. С. Суворина.
Со фот. Ксении Глыбовской.

Литературная пестрядь.

Теперь им на помощь приходит Д. С. Мережковский. Его брошюра «Зазеть Былинского» прежде всего утверждает исключительное значение Былинского в русской литературной истории. Мережковский выносит покойников по юбилейным датам, ставя такой тезис: Былинский—это символ всей русской интеллигенции. Между прочим, это не единственный знак равенства. И ему это кружок неизвестных спорят. Стало известно, что он был отрицан то, перед тем как не доказывается своего утверждения. Бекрасова полагалось «смиренно преклоняться перед его, как саму собою разумеющим колыбелью». Но «кумпир поверженщеся»—все боялись, и сейчас же нашлись в своей характеристике Былинского, которые Мережковский, разумеется, не обошелся начертаны чернилами на своих щитах: без всегдашней своей «двойственности». «В. Г. Б.» и помчались в бой...

Разумеется, у него два Былинских: Вис-

саринъ Пештровъ—родоначальникъ русской геттингенской, скаго радикализма и Вискаринъ Смирнъ—с кудрами черными до плечъ и съ юношескими кудрами до плечъ и съ юношеской пышностью «отрицаний» на устахъ. щенника-затворника, унаследовавший его. И не только это «безбожие», но даже сакетизмъ въ свою очередь. Былинского есть въ зна- и его религиозную ревность въ свою ли- чительной степени признакъ все того же тературно-общественному служению. «Мо-возрастъ: въ студенческие годы мы все нахъ отъ чрезъ материаго», и революціо- живемъ или можемъ жить «на чердакѣ», нерь тоже всей своей натурой—не только гдѣ даже «украсть нечего», и бѣгаемъ въ убѣжденіяхъ, но и въ самой «крови себѣ по улицамъ въ морозъ «въ разва- или глубже крови», «Я членъ не отъ лившися шинелишкѣ», какъ бѣгалъ всю міра сего», и «я—міръ боечъ»,—такъ жизни Былинскому.

опредѣлить онъ когда-то самъ себя про- У Былинского просто этотъ «учениче- тиворѣчивыми опредѣлѣніями.

Мережковский расширяетъ эту поляр- ность, противопоставляя фигуру «безбож- никъ» Былинского фигуру «Пророка» До- «неистовствомъ», страстью къ сти- стоеvскаго. «Свобода безъ Бога или Богъ хамъ, политическими пенавистями, посто- янными толками о народѣ и полнымъ не- безъ свободы?» Русской интеллигенции, ко- торая якобы вся вышла изъ Былинского, «какъ дѣти въ отца», предлагается вы- бирать, или, вѣрѣть, соединить Достоев- скаго съ Былинскимъ, или, еще вѣрѣть, быть «студенческими годами» русскаго такъ разить черты Былинского, чтобы развитія и нашей «интелигенціи». Ко- пачьихъ вмѣстѣ съ ликомъ Достоевскаго. Правда, это выходить немногого по рецензии, но опять-таки только для одного воз- гоголевской невѣсты, и за такого эклекти- раста ея, для одной психологической поло- ческаго жениха, пожалуй, мудрено выйти съ, которая впервые обозначилась въ тѣ замужъ... Несомнѣнно, что къ «безбожию» 30—40-ые годы и которая теперь, на Былинского цѣлѣи придать религиоз- вишихъ глазахъ, почти уже стерлась. Съ- пости Достоевскаго такъ, чтобы за пер- вымъ осталась сфера общественности, а за вторымъ—сфера личности, въ которой только и помышляется якобы его «великая правда». Общественность Былинского вѣ- ми своими корнями связана съ его без- божиемъ, такъ же, какъ религиозность До- стоевскаго предполагаетъ его форму обще- ственности, и если послѣдняя есть только «великая ложь», то и въ первой не все обстоитъ благополучно. Кто-то кому-то долженъ уступить эту заманчивую «общес- твенность», и, какъ ни относиться къ До- стоевскому, ясно, что тотъ радикально- демократический общественный строй, которыи, какъ идеалъ, преподносился Былин- скому, иссомѣстимъ ни съ какой религиозной культурой.

Мысль самого Мережковского разорвана между этими двумя полюсами, и при тай- ломъ тяготѣніи къ Достоевскому слишкомъ напугала житейскимъ торжествомъ «безбожия» общественныхъ началь, изу- шихъ отъ Былинского. Но вотъ вопросъ: да «полюсы»—ли эти антиподы русской духовной жизни? Не скорѣе ли двѣ постъ- довательныхъ стадіи въ ея развитіи—на этапѣ, събывающихъ другъ друга сообразно духовному возрасту и психологической зрѣ- лости?

Нельзя же не видѣть, что Былинскій, въ самомъ дѣлѣ, только отрокъ срачи- тельно со старцемъ Достоевскимъ. Или, самое большое, двадцатилѣтний юноша-

М. А. МИХАИЛОВЪ въ роли Ахмата въ пьесѣ Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

Фед. КОМСОМОЛЬСКАЯ (?)

ПЕРВЫЕ ДИРЕКТОРЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА.

АРТИСТЫ ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА.

В. Гуревич

Викт. Петр. БУРЕНИНЪ.

ный образ всей русской интеллигенции на эти пьесы звучать каким-то новымъ, все времена, «его же не преяшли». Между незнакомымъ очарованіемъ...
и Достоевскимъ, который своей мыслью потрясъ весь міръ, въ сущности чѣть никакой паралели.

Но Мережковскому и въ голову не приходитъ сдѣлать эту «оправку на времена». А все отъ «испуга», которому пора бы уже и пройти!..

п. Нерцовъ.

Литературные заметки.

Бенгальские напѣвы *.
Что за прелестный талантъ!
Изъ Индіи дальней
На Русь прiletѣвъ,

* Рабин德拉натъ Тагоръ. I. Лирика любви и жизни. (Садовникъ). II. Гитара. Переводъ В. Спасской. Книгоиздательство «Современные проблемы». М. Стр. 205. Ц. 75 коп.

Александъ Петр. КОЛОМИНъ (†),—членъ первой дирекціи театра А. С. Суворина.

Артистка Валент. Алексеевна МИРОНОВА.

«Ты—вечернее облако, носящееся по скаго поэта, облетѣвъ весь міръ, доходить до холодной, «гиперборейской» Россіи,— и всюду находить себѣ приютъ, во всемъ общемъ пониманіи и признаніи? Поистинѣ, въ наши дни міръ становится всемирнымъ!»

Твои ноги розовы отъ пламени желанія моего сердца, Жница моихъ закатныхъ пѣсенъ!»

И сквозь эту пышную природу, сквозь знойный сонъ этой любви доносится вдругъ отголосокъ коренной глубины индусской души — духовныхъ порывовъ народа, создавшаго Упанишады и откровеніе Будды:

«Я неспокоенъ. Я жажду далекихъ вѣковъ.

Душа моя изнываетъ стремлениемъ коснуться края смутной дали.

О, Великий Потусторонній Міръ, о, прозительный зовъ твоей флейты!..»

Очаровательная книжка! И какія становились вмѣсто подобного рода книгъ пріятельства! Мы переживаемъ: не несылатъ имъ учебники по грамматикѣ, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ; входя-

п. Нерцовъ.

Евт. Пав. НАРПОВЪ, много лѣтъ бывшій режиссеромъ театра.

Въ этой легокрылой поэзіи есть что-то общее съ коротенькими, стройными пѣснями Японцевъ—вѣсть оттолокомъ такой же далекой, чуждой намъ и, можетъ быть, болѣе свободной, чѣмъ наша, восточной культуры. Но небо Индіи жарче и красочнѣе, чѣмъ влажное небо японскихъ острововъ,—и въ пѣсняхъ индусскихъ поэтовъ краски ярче, чувства горячѣе и скрытая страсть бродитъ между строкъ:

Бор. Серг. ГЛАГОЛИНЪ въ пьесѣ А. С. Суворина «Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Ксения».

шими въ курсѣ первыхъ классовъ гимназии—успеніе такого рода знаній по сельскому хозяйству, которымъ могли бы быть примѣнены въ реальныхъ училищахъ. «Время»—хозяйству, которымъ они, по возвращеніи непосредственно къ дѣлу, и, такимъ образомъ, имъ есть доста точно, а въ деревни, могли бы применить къ дѣлу, книжка представляетъ собою своего рода воинскій уставъ по сельскому хозяйству. Было бы желательно, чтобы съ примѣненіемъ такого же приема были составлены руководства и по некоторымъ другимъ отраслямъ сельского хозяйства—скотоводству, птицеводству, пчеловодству и т. п.

А. Х. Керновскій. «Пахарямъ-воинъ». Бесѣды и чтенія по сельскому хозяйству для низкихъ чиновъ. Изд. П. П. Сойкина. Петр. 1915 г. Стр. 110. Ц. 50 к.

шихъ чиновъ. Составитель книги, какъ бывшій военный, на основаніи своихъ наблюдений надъ солдатскою средою, пришелъ къ выводу, что если представляется возможнѣмъ разъяснить солдату понятие и вполнѣ точно такія сложныя явленія, какъ, напр., траекторію полета снаряда, причины его отклоненій и прочія замысловатыя истини балістики, то дѣлъ основаній сомнѣваться, что и сложныя сельскохозяйственные явленія, будучи изложены яснымъ, доступнымъ ихъ пониманію языкомъ, могутъ быть ими усвоены безъ затрудненій. Вопросъ, следовательно, сводится къ тому, удовлетворяетъ ли изложеніе книги «Пахарямъ-воинъ» требованиямъ ясности и удобопонятности. Авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе своей аудиторіи на то полезное, что выносить хороший солдатъ изъ пребыванія въ строю, и что можетъ найти примѣненіе въ хозяйствѣ. Привычка къ дисциплинѣ, къ работѣ по расписанію, сбреzekть для хозяина много времени, которое тратилось бы безъ этого напрасно; а, кроме того, военная служба, привучаетъ къ наблюдательности, столь необходимой въ сельскомъ хозяйстве, развиваетъ сметливость и расторопность. Сообщая свѣдѣнія о разныхъ сложныхъ системахъ сѣвооборота, въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ обычно не примѣляемыхъ, о питаніи растеній, объ удобреніи почвы и т. п., авторъ стремится дать своимъ читателямъ по возможности короткія и точные наставления.

И. И. В.

ПЕРВЫЕ ДИРЕКТОРЫ МАЛАГО ТЕАТРА.

Иванъ Алексѣевъ. Плющинъ-Плющевскій.

Никол. Ісидор. ХОЛЕВЪ.

НАЧѢШНЯЯ ДИРЕКЦІЯ ТЕАТРА А. С. СУВОРІНА.

Михаилъ Алексѣевъ. СУВОРІНЪ.

Анастасія Алексѣевъ. СУВОРІНА.

СРЕДИ АРТИСТОВЪ МАЛАГО ТЕАТРА А. С. СУВОРИНА.

Екат. Никол. РОЩИНА-ИНСАРОВА, нынъ артистка Императорскаго Александринскаго театра.

Мам. Ив. ДАЛЬСКІЙ.

Марія Петр. ДОМАШЕВА въ драмѣ Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

Лидія Бор. ЯВОРСКАЯ.

Зин. Вас. ХОЛМСКАЯ въ пьесѣ Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

Иванъ Алексѣев. ХВОРОСТОВЪ.

Н. Н. МУЗИЛЬ-БОРОЗДИНА.

Яковъ Серг. ТИНСКІЙ (?) въ пьесѣ А. С. Суворина «Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Исенія».

МОВОЕ ВРЕМЯ

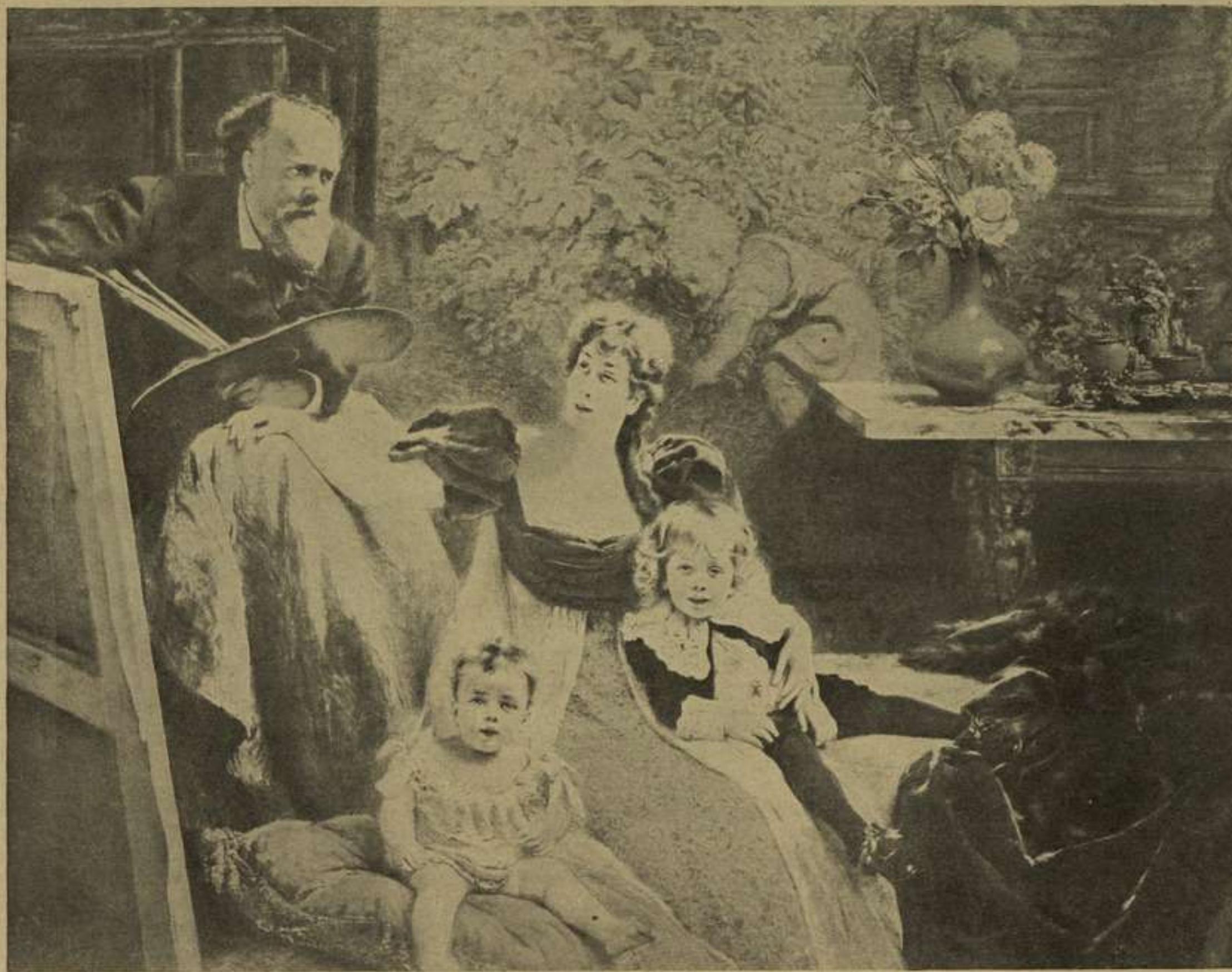
Основатель А. С. Суворинъ.

38

№ 14205

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 26-го СЕНТЯБРЯ (9-го ОКТЯБРЯ) 1915 ГОДА.

№ 14205

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТЪ. Проф. Н. Е. Маковскаго.
На картинѣ изображенъ самъ художникъ, его жена—М. А. Маковская и дѣти ихъ.

«БОЯРЫШНИЯ ЗА ПЛЯЦАМИ».—Картина Н. Е. Маковскаго.
Съ фото. Ксени. Глыбочской.

Сумерки.

Когда, задумавшись и голову понуря,
Въ безмолвныя вечера сидимъ мы у окна,
И часто на душѣ растетъ глухая буря
Непонятыхъ страстей, вознущающихъ тре-

богъ,
Желаній, смутныхъ сновъ, былыхъ воспоми-
наний,

Иль горя тайного о радости исканий

Душой отвергнутыхъ дорогъ...
Закатъ спокойно тихъ... Со свода голубого

Глядять янтарныхъ тучъ далекіе стада,
Похладой дышеть садъ, безмолвный

стражъ былого,

Что унесли ушедщіе года.

Кругомъ простая жизнь, съ тревогами,
Дѣлами

Сложившихся заботъ, давно замкнутый

кругъ,

А сердце ширится и странно вздрогнетъ

вдругъ,

Смущенное забытыми мечтами,

Зоветъ безумныя оны...—Но жутко ти-

щина

Весь наполняетъ миръ—и зову нѣть от-

вѣта,

Нѣть бурь... Все умерло... Лишь сердце

плачеть гдѣ-то,

Въ безмолвныя вечера у темнаго окна.

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

Мирное житѣе.

Лѣтомъ въ Петроградъ вернулся рот-
мистъ кнізь Александръ Игнатьевичъ Ме-
данскій, опять раненый въ ту же руку и
вдобанокъ еще контуженный. Рана была
легкая и заживлялась быстро, безъ вся-
кихъ осложнений, но съ контузіей при-
шлось считаться гораздо серьезнѣе. Без-

Н. Е. Маковскій въ дѣтствѣ.
Съ акварели работы отца художника.

ИЗЪ ГАЛЛЕРИИ КАРТИНЪ проф. К. Е. МАНОВСКАГО.

«БЕРЕГА НИСЕЛЬНЫЕ, РЫНИ МОЛОЧНЫЙ» (Бабушкина сказка). — Картина К. Е. Мановского

Со фот. Ксени. Глыбовской.

поколыши нервы, мучительно растрезожен-
ные, болезненно чуткие.

Медынский очень тяжело переживалъ испытания. Онъ не увлекая его вправо, где были разставлены въ особенности она казалась яркой, сочно юзыхъ.
допускалъ и мысли, что славная много-столики, прямо въ паркѣ, у выхода изъ освѣщенія обильнымъ южнымъ солн-
цемъ, подчеркнутая въ своихъ цѣтахъ не соскучишился. Въ этомъ году оживле-
ны можетъ измѣнить свое величественное
геченіе, по вѣтѣ съ тѣмъ—уставшій, утренний кофе... Ну, вѣтѣ, вѣтѣ,—ко-
гда были вырублены у галереи Нарзана—весело
физически и нравственно изстрадавшійся—нечно, вѣтѣ. Сядемъ здѣсь.

— Все для побѣды! Все для побѣды! Ка-
кое счастье, что этотъ благотворный кли-
матъ дѣлается теперь всеобщимъ!

Медынский болѣзнико волновался, хва-
таясь уже раннимъ утромъ за газеты.

— Вамъ предно жить въ Петрогра-
дѣ.—говорили ему врачи.

Да Медынский и самъ понималъ, что
такъ онъ не скоро поправится. А между
тѣмъ хотѣлось поскорѣе вернуться къ
своему дѣлу, въ армию, хоть немногомъ
окрѣпнуть нервами, чтобы не слечь гдѣ-
нибудь въ лазаретѣ, только увеличивая
число тѣхъ, о комъ заботятся другіе.
Ноѣхать въ свое имѣніе, въ одну изъ
западныхъ губерній, было теперь невоз-
можно.

Врачи стали все рѣшительнѣй настаи-
вать на Кисловодскѣ.

— Тамъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, ду-
маютъ и говорятъ о войнѣ, тамъ яркое,
горное солнце, насыщенный озономъ воз-
духъ, а главное,—вамъ необходимъ Нар-
занъ,—его углекислые ванны вѣсъ бы-
стро сдѣлаютъ здоровымъ.

И Медынский побѣжалъ.

— Кого я вижу! Саша!—раздался от-
куда-то спрашив изъ толпы веселый при-
ятственный голосъ и, преграждая доро-
гу, кинулся навстрѣчу Петя Шустрову.

Такой же, какъ всегда, Петя Шустровъ,—
съ иголочки одѣтый, моложавый, не-
много фатоватый, но скрашивающей эту
фатоватость своей неподдельной, прям-
дѣтской, веселостью.

— Съ театра военныхъ дѣйствій... раз-
веденій герой... Слышать... парка, широкой, пестрой волною плыла движими, за женскими лицами и туале-
тами, за жестами и улыбками бесѣду-

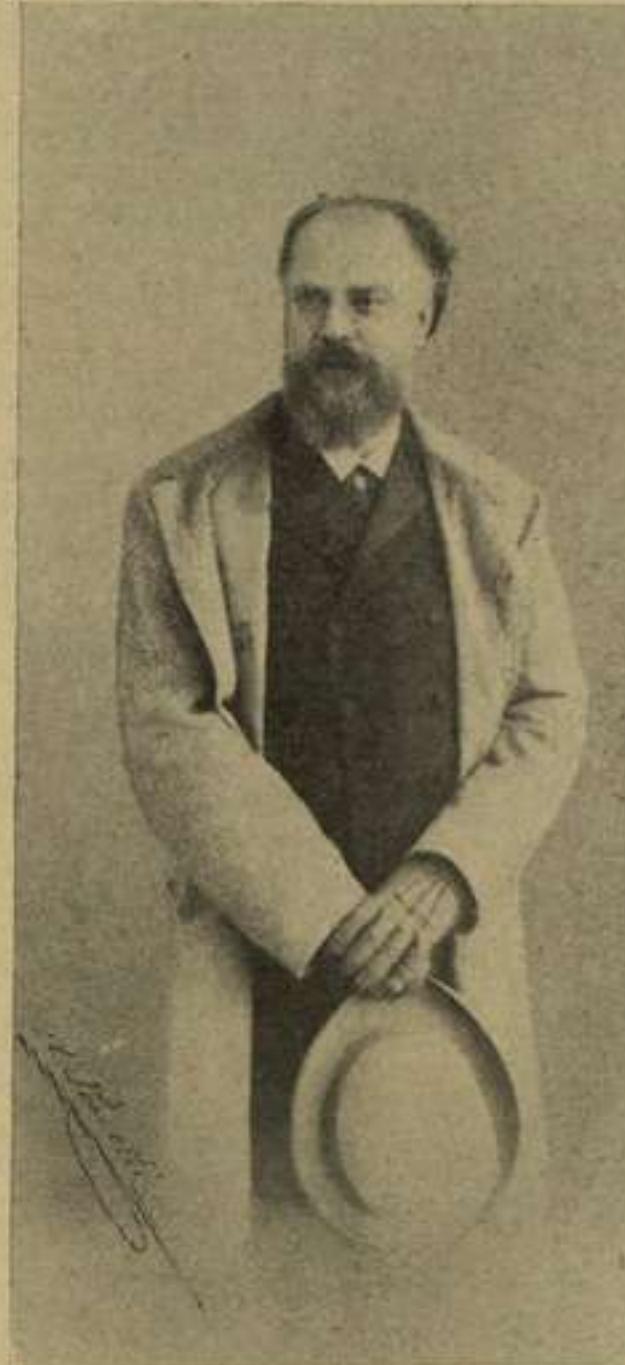
— Хорошо сѣдѣть, что прѣхалъ,—
вѣковая история его горячо любимой роди-
тельской галереи Нарзана.

— А я только что собирался пить плотной синевой южного неба. Деревья не особенно, давно небывалое,—весело

на, у зданій ресторановъ и верандъ, такъ

На вѣки вѣчны причисленный къ ка-
кой-то столичной канцеляріи и никогда да-
же не мечтавшій двигаться впередъ по
службѣ, онъ приходился дальшимъ род-
ственникомъ Медынскому. Почти однолѣт-
ки, оба помнили другъ друга еще съ дѣт-
ства и часто потому вѣтрались за об-
щиими ужинами и въ уборныхъ театровъ,
когда Медынский еще служилъ въ полку и
велъ холостую жизнь богатаго гвардейца.
У Пети Шустрова средства были самыя
скромныя, но онъ какъ-то умѣлъ всегда
ловко устраиваться, прекрасно одѣвался,
быгалъ въ обществѣ и въ полуобществѣ,
въ клубахъ и въ кабакахъ,—не то удачно
игралъ, не то ухитрялся занимать подъ
какія-то несуществующія дядошкины на-
слѣдства.

— Сезонъ, надо признаться, самый
нынѣшнѣй занимательный,—продолжалъ онъ
своимъ обычно-шутливымъ тономъ:—здѣсь
можно въ этомъ году и карьеру сдѣлать,
и деньги нажить, и жениться вѣсма не
плохо, и, наконецъ, попраздновать за ми-
лую душу въ свое удовольствіе, если ты
вообще еще чувствуешь склонность къ
женщинамъ, къ вину, къ картамъ и тому
подобнымъ классическимъ обольщеніямъ
нашей бренной земной жизни. Здѣсь, соб-
ственно, у насъ два лагеря. Одинъ—во-
округъ Глафиры Филипповны. А ты зна-
ешь, кто такая эта самая Глафира Филип-
повна? Глашка Сарафанъ! Помнишь ты
Глашку, по прозвищу Сарафанъ,—въ пер-
вый годъ, что ты вышелъ въ офицеры?
Совсѣмъ была молоденькая, почти дѣвочка,
танцевала всегда въ сарафанѣ... еще Ду-
бенскій съ нею пугался... Теперь красави-
ца, позная, русокудрая, въ самомъ наци-
ональномъ стилѣ. Артистка, ничего не по-
дѣлаешь: исполнительница народныхъ пѣ-
сей. Только гдѣ поеть и когда—неизвѣст-

Академикъ проф. живописи
Конст. Егор. МАНОВСКІЙ на 45 году жизни.
† 17 сентября въ Петроградѣ.

Павшие смертью храбрыхъ.

Мичманъ Б. И. Шредеръ.

Ротм. М. А. Зарифи.

Полковн. П. А. Лундышевъ.

Ротм. Д. В. Тункаевъ.

Капитанъ В. Н. Ефановъ.

Прапорщ. В. Г. Грушевский.
Сконч. от ранъ.

Поруч. А. Н. Стессель.

Подпоруч. А. А. Кублицкий.

Прапорщ. П. Г. Таллако.

Прапорщ. М. А. Еревинновъ.
Сконч. от ранъ.

но. А съ нею знаменитый милонщикъ знакомыхъ: Пепелищева, Бера... Онь тѣ жакъ,—немного прихрамывающій, но, какъ все того же неизѣнаго Петя Шустрово. Разланинъ. Бриліанты и туалеты дѣйствіи-перъ въ адъютантской формѣ и лечится и прежде, привѣтливый и жизнерадостный замѣчательные, и можно черезъ отъ малярии. Но кто изъ нихъ дѣйствіи-ный. Только една ли онъ стасть разг-стуетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже симодежи кругомъ всякой сколько угодно, ставь себѣ, сущая для насть загадка. По говоровъ онъ терпѣть не можетъ, начи-дѣть за столомъ, и Глафира Филипповна и на первомъ мѣстѣ кавказскій нефтяной мосему, или всѣ, или никто. Называли Се-наесть волноваться, машеть рукой: «ахъ, съ любезной улыбкой гостепримной хо-свасрѣ Карабашевъ. Бѣшеныя, нѣльныя резу Ливнева, только онъ получаетъ гу-нѣть, нѣть, не надо!»

бернатора и уже уѣхалъ. Вѣтъ тебѣ карье-

— Я такъ и думалъ, что нынѣшняя со-

зайки наливалась ему изъ миски какой-то

очень холодный, розоватый крошонъ.

Щурясь отъ яркаго солнца, Медынскій ра, устроенная черезъ Тамару и черезъ бытія должны глубоко волновать такого старика: Вискаріона. Факть, несомнѣнныи человѣкъ, какъ Вискаріонъ Драхловъ. бѣзъ любопытства слѣдилъ за движавшей-ся передъ нимъ толпой и безъ особаго ин-тереса слушалъ собесѣдника, съ которымъ ленъ будто бы, а сейчасъ, говорять въ

Тутъ былъ и Разланинъ, вполнѣ солид-

ный и приличный на видъ, съ умнымъ лицомъ немногого мужицкаго склада и съ пол-

у него было такъ мало общаго. Но Петя Шустрово этимъ не смущался.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже си-

модежи кругомъ всякой сколько угодно, ставь себѣ, сущая для насть загадка. По говоровъ онъ терпѣть не можетъ, начи-дѣть за столомъ, и Глафира Филипповна и на первомъ мѣстѣ кавказскій нефтяной мосему, или всѣ, или никто. Называли Се-наесть волноваться, машеть рукой: «ахъ, съ любезной улыбкой гостепримной хо-свасрѣ Карабашевъ. Бѣшеныя, нѣльныя резу Ливнева, только онъ получаетъ гу-нѣть, нѣть, не надо!»

Лично я, пожалуй, ближе къ друго-му лагерю, хотя меня всюду считаютъ своимъ. Только другая женщина много интересе-ется. Это—Тамара Шеликова. О! ты должень съ нею познакомиться. Наруж-ности описывать не стану, увидишь самъ. У нея мужъ—тоже съ милонными оборотами, каждую недѣлю прѣѣзжаетъ сюда на два дня изъ Ростова и садится съ Разланинымъ и съ Карабашевымъ въ крупнѣшее бакара. Остраки въ курсалѣ таѣтъ и говорятъ: «промышленность мобилизует-ся». А вокругъ Тамары мужчины всѣхъ возрастовъ и профессий, начиная съ санов-никовъ, съ самого Вискаріона Драхлова.

Медынскій и не замѣтилъ, какъ очутил-

ся за ужиномъ въ курсалѣ въ обществѣ

— Какъ? Онь сейчасъ здесь? Я слы-шишь, его разбѣль парадичъ.

Глафиры и ея кавалеровъ.

Подпрыгиваетъ на правой ногѣ и ріопа,—задумчиво произнесъ Медынскій,—пойти, послушать музыку.

Вчера онъ почти весь день просидѣлъ

одинъ у себя въ номерѣ, покинувъ въ пар-

кѣ слишкомъ разговорчиваго Петю Шу-

затро. Только побывалъ у рекомендован-

аго ему доктора, который нашелъ, что вичъ... Семьдесятъ пять тысячъ за эту

именію Кисловодскъ вполнѣ возстановить двухъѣздку! Переплатили.

— Я хочу имѣть все самое лучшее,

и живите въ свое удовольствіе. Здѣсь у горо-охоранилась, отѣтиль Карабашевъ,

и вообще швыряниемъ, денегъ...

настъ великолѣпно».

— Минѣ бы хотѣлось повидать Виска-

ки хорошаго струннаго оркестра. Рѣшилъ

— А что лучше, тоже понимать надо,

Шеликова,—то ей на Бермамыть, то на рано легъ. Сегодня началъ лечение, совер-

шегомутимо отѣзжалъ Разланинъ: вы,

какой-то Большой Джиналь. Такой взяла

Глафиры и ея кавалеровъ.

размахъ жизни, что только одна Глафира

взяла Эльборусомъ. Но вечеромъ показа-

лась эта же соперничать и туалетами,

На терасѣ показался извѣстный пѣ-

можетъ съ нею соперничать и туалетами,

лось въ гостиницѣ скучно и одиноко, изъ вѣцъ, прѣѣхавшій всего на нѣсколько га-

и вообще швыряниемъ, денегъ...

сосѣднаго курсала доносилась густые зву-

— Подпрыгиваетъ на правой ногѣ и ріопа,—задумчиво произнесъ Медынскій,—пойти, послушать музыку.

— А что лучше, тоже понимать надо,

какъ-то странно вертить рукою, точно она

Шеликова,—то ей на Бермамыть, то на

мой отецъ всегда его считалъ государствен-

рано легъ. Сегодня началъ лечение, совер-

у него загаденная. А только ничего, въ

шагъ человѣкомъ, мы всѣ привыкли ува-

зрають умъ и въ твердой памяти. Шу-

жать его мнѣнія. Что онъ сейчасъ дума-

тить, что если его прихлонитъ ударъ, етъ?

Кисловодскъ, какъ живительный воздухъ знаете, у настъ въ Москвѣ, у меня всегда

такъ это отъ газетъ и отъ всѣхъ нынѣ дній? Какъ относится къ нашему обще-

засыпка прогулку на Сѣрые Камни, любо-сударь мой, еще въ дѣль новичокъ.

— Переѣхалъ Переѣсьевъ,—у него

на терасѣ показался извѣстный пѣ-

около какая-то исторія, и онъ здѣсь, полчаса, понимаетъ Тамара Шеликова, и настъ кисловодская толпа, всегда разряжен-

На терасѣ показался извѣстный пѣ-

Тать Кирбаумъ—нашъ добрый, акуратъ онъ будетъ здѣсь, какъ всегда, начисто вы-настъ, шумная, беззаботно гульбищная.

На терасѣ показался извѣстный пѣ-

и, собою, въ спѣтломъ пид-

заль, его гладко утоптанная просторная щатъ.

— Да ты его сейчасъ увидишь. Черезъ площадка и столики на терасѣ, и эта обыч-

она засыпала.

— У меня вообще много старыхъ при-

вычекъ осталось. Вотъ карты люблю рас-

ычай. Нѣмецъ. Ты вообще встрѣтишь много бритый, раздущенный, въ спѣтломъ пид-

— Медынскій! Саша!—раздался голосъ

кладывать и страсть люблю плясать

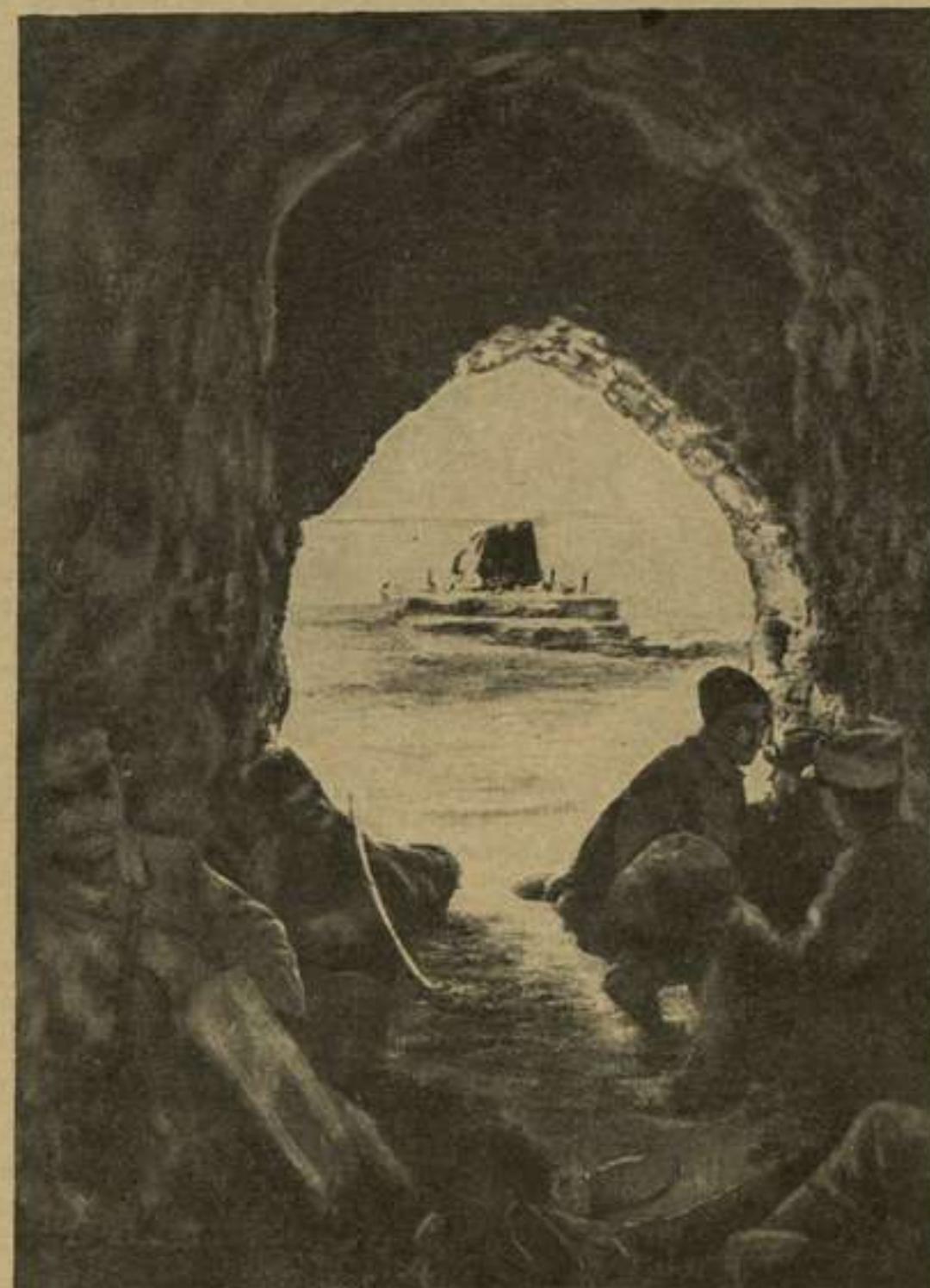
Сестра милосердия
фрейлина Ихъ Императорскихъ Величествъ
Государыни Императрицы
Елизавета Ариадеевна НЕЛЕГ. ОВСКАЯ.
Награждена Георгиевской медалью 4 ст. за выдающуюся самоотверженную
работу подъ артиллерийскимъ и
ружейнымъ огнемъ.

русскую... Это и Тихонъ Андреевичъ, впрочемъ, тоже любить... А я вѣсъ теперь хорошо припоминаю... Князь Медынскій, еще бы... И вѣдь теперь, знаете,—заговорила она тише, съ насмѣшливымъ выражениемъ въ губахъ,—въ большихъ людяхъ вышла. А только прежнихъ всѣхъ всегда съ охотой встрѣчаю и не отказываюсь отъ себѣ... Миллионы—это, знаете, дѣло пле-
вое,—самое главное—сердечная отноше-
нія сохранить. А миллионы—ихъ
много, да и деньги у насъ легко нажива-
ются. Надо только притронуться, а тамъ
ужъ пойдетъ...

Ген.-м. М. Л. МАТВѢЕВЪ.
Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.

ПОСЛѢ ВЫСТРѢЛА.

«ОКНО» на море (Дарданеллы), продѣланное тяжелымъ снарядомъ въ стѣну укреп-
ленія Седдуль—Баръ. На письменномъ берегу—остатки старого турецкаго прожектора.
На горизонте—малоазіатскій берегъ.

За столомъ разгорался въ это время споръ по поводу состояния какого-то Болотина, владѣльца конскаго завода.

— Ничего у Болотиныхъ прежде не было,—и же хорошо знаю,—авторитетно доказывалъ Разлапинъ: ихъ состояніе съ 77-го, съ турецкой войны. Тогда вѣтъ разкинулся Болотинъ, а раньше всего-то мелкой бакалеи торговали, едва концы сводили. Егоръ-то Болотинъ, сынъ Тараса, онъ и въ японскую здорово нагрузился,—и меня тогда въ компанію съ собой звать, говорилъ: «ничего звать, Тихонъ, такая окаяніе не часто случается...» Только я съ Болотинами—ни-ни,—у меня собственная свои линіи. Эти дѣла я вѣдь доподлинно знаю,—вы ужъ не спорите, Аршакъ Оспиновичъ...

— Я баба простая, неученая,—продолжала между тѣмъ Глафира Филипповна свои дружескія откровенія съ Медынскимъ: только этого и умѣла, что наряжаться, да плясать, да пѣть русскія пѣсни. А какъ съ миллионами-то смиглась, такъ и сама пріучилась дѣла устраивать,—это, знаете, совсѣмъ не трудно при знакомствахъ да при протекціи, всякий вѣтъ радъ услугить... Я тоже старымъ своимъ пріятелямъ всегда съ полнымъ удовольствіемъ, если что нужно... Тихонъ Андреичъ—онъ, знаете, всякихъ дѣла покупаетъ, а если ему

около войны.

Бѣженцы на отдыхѣ.

не подойдетъ, такъ и другое найдутся. Всегда можно пристроить концессію или что другое, перепродать права... Въ особенности, если у кого связи, и можетъ добиться тамъ подрида или чего другого, мы съ удовольствіемъ всегда купимъ. Я старыхъ знакомыхъ никогда не забываю,—вотъ спросите у Бера, онъ хорошо знаетъ...

Медынскій смотрѣлъ на это спокойное, полное лицо великорусской красавицы, изъ сочной роты и округлой двойной подбородокъ, слушалъ этотъ ровный и мягкий голосъ, прислушиваясь одновременно къ тому, что говорили мужчины,—смотрѣлъ, и слушалъ, и точно не понималъ, точно сидѣлъ не за столомъ съ ними, а видѣлъ передъ собой сцену, где разыгрывались актеры какую-то странную, совсѣмъ неправдоподобную пьесу. И будто дурманомъ окутывалась голова. Можетъ быть, правда, поѣствовала съ непривычки бокалъ шампанского, ошеломила все эта шумно-праздничная обстановка,—яркие фонари, оркестръ, звонъ посуды, говоръ, туалеты и смѣхъ женщинъ. Вѣдь онъ еще такъ слабъ, такъ болѣзнико-госпиримичъ перрами.

— А ты видѣла уже Вискаріонъ?—спросилъ Петя Шустровъ.

Медынскому стоило усилия сосредоточиться на вопросѣ и ответить.

— Въ три часа у него завтра обѣдо. Бока не видѣлись. Онъ прислалъ мнѣ записку, узнать, что я здесь.

— Да они непремѣнно будуть въ курсѣ. Я ручаюсь. Вотъ Перельсьевъ уже появился. Ахъ, да,—кстати...

И Петя Шустровъ сорвался съ места, кинувшись къ полному румяному генералу, который что-то объяснялъ метръ д'отелю у ступеней террасы.

Сославшись на усталость и на головную боль, Медынскій черезъ нѣсколько минутъ сталъ прощаться и совсѣмъ ушелъ изъ курсала.

— Тебѣ ничего обѣдать въ половинѣ четвертаго? Я жду одну ладу.

Старикъ Вискаріонъ лукаво подмигнулъ правымъ глазомъ, но, кажется, движение было непроизвольное, такъ какъ онъ всегда гrimасничалъ въ разговорѣ.

Это былъ очень живой, маленький, сухопарый старичокъ съ наглымъ, насмѣшивымъ взглядомъ и презрительнымъ очеркомъ толстыхъ губъ, въ особенности выдававшихся, благодаря гладко выстриженнымъ усамъ.

— Жалѣть не будешь. Дамочка занимательная... Ну, какъ отецъ? Какъ его подлагра?

— Подлагра ничего... А вотъ настроение очень скверное...

Подполк. Алб. Альбин. Степановъ.
Сконч. отъ ранъ.
Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.
и Георгіевскимъ оружиемъ.

Ген.-м. В. Н. ЦИХОЕВІЧЪ, временно коман-
дованій корпусомъ.
Раненъ въ атакѣ съ непріятелемъ.
Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.

НА ФРОНТЪ.

Утренний чай съ комфортомъ!
Съ фот. В. И. Шубиной-Корсаковой, въ Москве.

— Какъ въ чмъ? Такія событія, по-

— А если распустить публику, въ осо-

брасеніи...
— Да у насъ въ Петроградѣ съ ума со-

бенности такую невоспитанную, какъ

шли,— заговорил онъ вдругъ раздраженъ потрескеніемъ. Только одни потрескенія... Но

но, крути въ воздухѣ правой рукою: не иѣры-то противъ нихъ, кажется, обиези-
узаснѣ самыѣ нормальныѣ людей, ко-
торыхъ знаѣть съ дѣствія. Какія, чортъ по-

— Вы забываете, Виссаріонъ Иванычъ,
бери, потрескенія! Я вотъ недавно проѣхалъ что врагъ на порогѣ дома. Намъ пе до вну-

кую Россію съ сѣвера на югъ: тишина и треніи споротъ.
гладь и благодать Божья! Какія тамъ по-

— Врагъ! врагъ! Объ этомъ я и разго-

вариватъ не хочу,—вымѣрила Висса-

риеній!

Онъ показалъ рукою въ открытое окно, ріонъ, рѣзко двинувъ рукою: вы всѣ вѣтъ
гдѣ сіялъ яркій солнечный день, и медленъ говорите—врагъ, а я говорю—не врагъ, а
но колебались вершины посаженныхъ на недоразумѣніе. Я эту войну сознательно
кокогорѣ тополей.

ЛЮДИ ВЪ МАСКАХЪ.

Солдаты въ французскихъ траншеяхъ.
На лицѣ у нихъ маски, защищающія отъ нѣмецкихъ удушливыхъ газовъ.

17 дней въ пути черезъ рѣды непріятелей къ своимъ.
Поручикъ Вячесл. Іосиф. Стадницкій-Коленко и рядовые:
Андрей Трегубъ (направо изъ с. Казачье, Киевской губ.) и
Архипъ Бурдакъ (налѣво изъ дер. Лемешовка, Полтавск. губ.),
не желая попасть въ пленъ къ Нѣмцамъ, вышли изъ Но-
вогеоргіевска въ 4 часа утра 7 августа и, удачно пробыв-
ши черезъ линію обложенія противника, на семнадца-
тый день пути, пройдя около 300 verstъ въ тылу у против-
ника, пришли въ дер. Ютики Пружанскаго уѣзда, Гроднен-
ской губ., на позицію одного изъ своихъ полковъ. Шли
они по преимуществу лѣсами и болотами, черезъ Бѣловѣж-
скую пущу, избѣгая встрѣчъ съ противникомъ. Не разъ
благодетели оказывались среди нѣмецкихъ разъездовъ, но
благодуенно ускользали отъ нихъ въ чащу лѣса и боло-
та. Шли по компасу, ночуя въ стогахъ сѣна, изрубка за-
ходя въ отдельно стоящіе дома. Они пытались сначала
взятьми съ собою консервами, а потомъ тѣмъ, что уда-
валось достать. Послѣдніе три дня, въ сфере разъездовъ
противника, были особенно тяжелы. Хлѣба достать
было нѣгдѣ, огня развести нельзя, и исѣ время, слѣдуя
лѣсами паралельно движению разъездовъ, нужно было
тищательно скрываться и въ то же время обогнать ихъ,
чтобы выйти къ своимъ. За свой смѣлый прорывъ изъ об-
ложенной крѣпости поручикъ Стадницкій-Коленко пред-
сталъ къ соотвѣтствующей наградѣ, а нижніе чины
награждены Георгіевскими крестами и медалями.

Медынскій судѣль, окончательно не по- и твоего отца. Вы что-жъ это теперь хо-

нимая своего собесѣдника.
тите? чтобы всакіе тамъ господа Разлани-

— Ты не думай, что это я изъ ума вы- вы на голову намъ сѣли? Не хо-

жилъ. Я, вѣроятно, гораздо трезвеѣ и тебѣ, чу я и говорить объ этомъ, не хочу

У СОЮЗНИКОВЪ.

Ренз ЕННАРЪ, новый товарищъ французского военного министра.
Ему поручено завѣдываніе дѣлами воздушного флота.

напрасно волноваться. А воть если меня когда-нибудь призовутъ и спросить, тогда я откроюши выскажу свое мнѣніе. Мнѣніе человѣка, который изучилъ и знаетъ свою страну, который отдастъ себѣ отчетъ въ ея дѣйствительной жизни, въ степени ея политической развитости...

— Ну, а такъ называемый врагъ,—прибавилъ онъ послѣ маленькой паузы, уже успокоившись: съ врагомъ этимъ, я думаю, мы такъ или иначе справимся и безъ принятия экстраординарныхъ мѣръ, безъ внутреннихъ катастрофъ. Въ частности и очень разсчитываю на нашу осеннюю непролазную грязь,—это, знаешь ли, мудрая народная пословица: что русскому здорово, то Нѣмцу—смерть.

Драхловъ уже совсѣмъ развеселился, перейдя на свое любимое въ обществѣ амплуа невозмутимаго шутника-скептика. Въ этомъ отношеніи у него была старая, заслуженная репутація, которой онъ очень гордился.

— Недавно мы бѣдили вотъ тутъ въ какой-то Большой Джинзѣ. Боже мой, что за дороги, что за дороги! Представь себѣ такія дороги где-нибуль волѣ Карлсбада или Гомбургъ,—да развѣ это возможно? Кто же пойдетъ? А тутъ ничего,—couleur locale, и всеѣ тѣдугъ. Да вѣдь это два совершенно разныхъ міра, двѣ чуждыхъ психологій. Онъ такъ и истрѣтится, оттолкнувшись другъ отъ друга. Я всегда повторяю слова нашего великаго Тютчева: «умомъ Россію не понять, аршиномъ обѣщать не измѣрить,—и Россію можно только вѣрить!» И вѣдь эту старую Тютчевскую Россію я дѣйствительно вѣрю, а вѣсть въ вашу Россію, итѣ Россію всѣхъ милостивыхъ государей, которые зачѣмъ-то тамъ собираются и выносить какія-то резолюціи,—вѣдь эту Россію я, извини меня, абсолютно не вѣрю. Нисколько!

Быстро раскрылась дверь,—и легкой походкой въ комнату вошла дама—молодая, стройная, въ модномъ темно-зеленомъ костюмѣ, съ очень короткой юбкой.

— Тамара Григорьевна, слава Богу...

Драхловъ сталь суетливо подниматься съ кресла, потянувшись за палкой.

— Она меня одолѣваетъ своей подти-ко... Позвольте вами представить... Это и есть Медынскій, о которомъ чера говорили.

— Очень рада...

Красивой нельзя было никакъ назвать Тамару Шелимову, съ ея желтоватымъ цветомъ лица и неправильными чертами. Но она захватывала сразу,—вызывающимъ блескомъ черныхъ глазъ, блекущей улыбкой. Гибкая, стремительная въ движениихъ, она чувствовала все время,—нельзя было ея не видѣть и не ощущать. У нея и глаза блестѣли по лихорадочно-му, и вся она казалась сухой и горячей.

Медынскій, давно отвыкшій отъ иен- скаго общества, отъ близости женщины, испыталъ сразу какое-то прежнєе младое волненіе, которое онъ вдругъ радостно вспомнилъ, како-то избытокъ жизненностіи почувствовалъ въ груди,—точно вѣсъ воздухъ кругомъ измѣнился въ составѣ, стала опьянить и кружить голову.

Его впечатлѣніе не ускользнуло съ ста-рика Виссариона.

— Будешь и ты среди насъ. Тамара Гри-горьевна—это квинтъ-эссенція озона Кисловодскаго... А вы знаете, милая,—у меня для васъ есть замѣчательныи фо-реи къ обѣду, совсѣмъ особенные... И ваша любимая водочка. Нашель, самъ на-шелъ... Прощу...

Опѣр раскрылъ дверь въ сосѣднюю ком-нату, где на три прибора былъ красиво сервированъ обѣденный столъ, убранный яркими цветами, заставленный бокалами и графинами.

— Я звалъ Перельсеву, но онъ появил-ся только послѣ четырехъ и будетъ намъ готовить тотъ знаменитый свой напитокъ, тайна котораго васъ такъ занимаетъ, Тамара Григорьевна... Эта женщина,—обра-тился онъ къ Медынскому, щуря правый

ВЪ ГОСТЯХЪ НА РУССКОМЪ ФРОНТЕ.

Англійский военный агентъ полковникъ НОНСЪ на нашкѣ передовыхъ позиціяхъ. Онъ изгражденъ орденомъ св. Владимира 3-й ст., съ мечами. Напротивъ отъ полк. Нокса—начальникъ пѣх. дивизіи ген.-м. Н. Н. Яновскій; наль-во—командиръ артилерійской бригады полк. И. И. Ключенко и начальникъ штаба—дивизіи полковн. В. В. Кривзинъ.

пѣ скалы высоко надъ пропастью. Тамъ шумѣла внизу горная рѣчка, тамъ у водопада остались тройки, и все участники пикника, и старикъ Виссарионъ, и генераль Перельсевъ, и Сусанна Карабашева, Петя Шутрова, Непелищевъ и другие. Кругомъ разстилались унылые, пустынныя горы окрестностей Кисловодска, мрачные, уже темнѣвшіе.

— Я авантюристка,—повторила онъ: да, только... Конечно, я вижу, что я вамъ нравлюсь, но къ чему это? Мы слишкомъ разные.

Она сѣла на камень у пропасти и спокойно смотрѣла въ эту широкую простиорь, совсѣмъ темный внизу въ ущелии, раскрыпшійся, какъ страшная бездна. Лицо было безкрасочно, желтовато-матовое, брови немного сдвинулись. Она говорила просто и серьезно:

— Вы хотите, чтобы я была вашей любовницей? Отчего же? Могу быть и вашей.

Она сорвала и закусила въ зубахъ длинную сухую траву и повернула глаза въ сторону Медынскаго, черные, непроницаемые.

— Но вѣдь вамъ мало этого. И знаю такихъ, какъ вы. Это будетъ только начало страданій.

— А хотите, я за васъ пойду замужъ? Брошу мужа? Я могу. У васъ, вѣроятно, достаточно денегъ, чтобы я могла хорошо одѣваться, и я согласна.

— Только знайте, что это будетъ сплошное несчастіе. Для вѣсъ же.

— Не надо всегда играть какую-то роль, Тамара Григорьевна,—съ искренней укоризной сказала Медынскій.

— Клянусь вамъ, мой другъ, что съ вами я не играю,—ответила Шелимова: я ничего отъ вѣсъ не ищу, но вѣмѣть съ тѣмъ я на все, рѣшительно на все согласна.

— Или вы ребенокъ какой-то нелѣ-пый,—точно вслухъ думая, произнесъ Медынскій.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не ребенокъ. Я съ вами я не лукавлю,—поймите это. Зачѣмъ мнѣ съ вами лукавить?

— Васъ интересуетъ Тамара Шелимова, — и я вамъ честно, честно скажу, кто она такая. Я не со вѣтми такъ откровенна, какъ съ вами, но я знаю, что вы не предатель, а глашатѣль, а глашатѣль, я не хочу, чтобы вы дѣлали глупости, напрасно ко мнѣ привозили.

— Я вамъ повторяю, что Тамара Шелимова—авантюристка, а это значитъ: искательница приключений, ловкая женщина, умѣющая устраивать свою карьеру, ленивая дѣла, умѣющая правиться, завоевывать связи, окружать себя тѣмъ ореоломъ поклоненія, работѣства, роскоши, который вы видите. Я люблю жизнь, Александръ Игнатьевичъ,—я все люблю: и мужчинъ, и богатство, и даже самый жизненный рискъ, люблю вино и цветы. И я не боюсь жизни, я такъ же всегда смѣло смотрю впередъ, какъ вотъ вѣту страшную пропасть. И у меня голова не кружится...

Она слегка нагнулась, точно себя про-вѣряя, и потомъ выше подняла голову.

— Да, не кружится... И въ пропасть я не упаду.

— Я хорошая жена для своего мужа. То, что ему нужно. Нѣсколько разъ я ему оказывала серьезныи услуги, и вы бы очень удивились, если бы узнали, какія у меня есть мои собственныи связи, съ какими людьми я близко сталкивалась, когда жила за границей. И сохранила съ ними отношения... За этотъ послѣдній годъ я, можно сказать, спасла своего мужа,—и если мы когда-нибудь съ нимъ разойдемся, то разумѣется, останемся друзьями. Этую сторону жизни, дѣловую сторону, я ее тоже очень люблю. Но я женщина, Александръ Игнатьевичъ,—даже очень женщина...

«ГЕРМАНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ».

Снимокъ съ германской открытки, изображающей германскую «добрость»: три здоровыхъ Нѣмца колютъ одного тяжело раненаго Француза.
(Оригиналъ хранится въ редакціи «Нового Времени»).

СЪ ОБРАЗЦОВОМЪ ЛАЗАРЕТЪ.

Въ офицерскомъ лазаретъ, оборудованномъ на средства Вѣры Павл. и Юлія Львов. КЕНИГЪ.
Въ первомъ ряду въ серединѣ В. П. и Ю. Л. Кенагъ и рядомъ съ ними занѣд. лазаретомъ докторъ А. В. Виндельбандтъ.

— Хотите, я буду каяться?

Она поправила мѣховую накидку на плечахъ и сбила внизъ въ пропасть нѣ- не отходить отъ Карабашевой... — Но Пепелищевъ почти женихъ, онъ Только старикъ Виссаріонъ,—тепе vice, чтобы, повидавъ отца, отправиться прию- сколько мелкихъ камней посыпъ ноги, — Я же не замужъ за него иду. И нутуть, Медынскій. Онъ умный человѣкъ На вокзалѣ въ Кисловодскѣ всетаки очень стройной въ темно-малиновомъ чул- сама иль устраиваю... Да это только къ и онъ очень занятъ. Но это уже другое. нался въ послѣднюю минуту неизѣбѣжныи слову, Александръ Игнатьевичъ. Вы, къ... Что-то очень порочное и очень пошлое Петя Шустрово, который встрѣчалъ ка- къ.

— Если бы я знала, что вы на меня печко, должны понимать, что я себѣ ии- вмѣстѣ съ тѣмъ раскрылось въ ея черныхъ кую-то новую знаменитую пѣвицу, завѣ- смотрите такъ, какъ смотрить, напри- когда не отказываю въ желаніяхъ. — Ну, а старикъ Виссаріонъ,—это то- Медынскому. — Как! уѣзжаешь?—кинулся онъ къ мѣръ, этотъ красавецъ Пепелищевъ, я бы — А хотите, я къ вамъ сегодня приду... Медынскому: наше мирное, боззаботное не стала говорить такъ долго, — пѣдь и же желаніе?—уже съ закипающей желчью. — Если вы это отъ меня хотите, я со- житѣе пришлось тебѣ не по вкусу?... спросилъ Медынскій. — Вонъ! Вонъ!... же—доступная...

Медынскій не могъ скрыть своего воз- Но Шелимова улыбнулась, поднявъ гласна... брови.

В. Оночина

— Пепелищевъ!

— Не сердитесь... Богъ съ вами. Какая

— Да, Пепелищевъ... этотъ кумиръ есть, такая есть. Я же потому и говорю, бросивъ свое леченіе, Медынскій из-

офицерскій и солдатскій лазаретъ В. П. и Ю. Л. Кенигъ, на Самсоньевской набережной въ Петроградѣ. См. статью на 312 стр.

Въ электротерапевтическомъ кабинетѣ. Докторъ Влч. Влч. Срезневскій и его пациенты.

Наружный видъ лазарета Ю. Л. Кенигъ.

Св. фот. Кон. Глыбовскаго.

САМЫЙ СТАРЫЙ ДОБРОВОЛЕЦЪ
РУССКОЙ АРМИИ.

Шт.-ротм. Н. Ю. ШТЕГЕЛЬ.
Принадлежал к офицерам из 1872 г. Въ отставкѣ былъ болѣе 25 лѣтъ, съ наступлениемъ войны поступилъ въ действующую армию, где командовалъ казачьей сотней.

Въ лѣтнемъ саду.

Что за день! Въ аллеяхъ тихихъ сада,
Какъ туманъ, стоитъ оранжевая мгла,
Нѣжно вѣтромъ пахнущимъ листопада
Въ волнахъ ласковыхъ нежданного тепла.
Загораются дрожащіе просыпты,
Какъ зеркала, на песчаныхъ аллеяхъ,
А деревья, въ золото одѣты,
Слились съ блескомъ солнечныхъ лучей.
Слышны всплески городского шума,
Но смутить не могутъ тишины—
Рѣтъ здѣсь, въ саду, таинственная дума,
Исюю осени волнующіе сны.
Торжествуютъ мраморные боги,
Позабытые для красоты иной—
Осень имъ поетъ сонеты и эклоги,
— Въ нихъ гармонія покоя съ тишиной!

Гемма.

ОСЕННІЙ СЕЗОНЪ.
АНГЛІЙСКІЕ ДАМСКІЕ БЛУЗЫ
шелков., крѣп. д. ш., шерст. и фланель. Готовыя и на заказъ. Большой выборъ.
П. С. КУЗНЕЦОВЪ. Тел. 196-08.
66, НЕВСКІЙ ПР., 66, пр. Анничкова
дворца.
ОДЛАГЕНИЙ НЕ ИМѢЕТъ.

Новая книга УЭЛСА

МЕЧЪ МИРА,
произвѣдшій сенсацію въ Европѣ и Америкѣ. Этой книгѣ посвѣдѣнъ фельдъ. М. О. Мельниковъ изъ № 14016 «Нов. Вр.» П. Н. Мельниковъ изъ № 148 «Рѣчи» соѣдѣнъ съ прочитать эти блестящіе зодческіе страницы. Цена 1 рубль съ пересыпкой.
Изд. М. Г. Назаровой, Государственный, 5, кв. 12. Петроградъ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 10 р.
только силою въ нихъ тока складъ новыхъ изобрѣтений
П. прогрессъ, Морской, 83.

Образцовый лазаретъ.

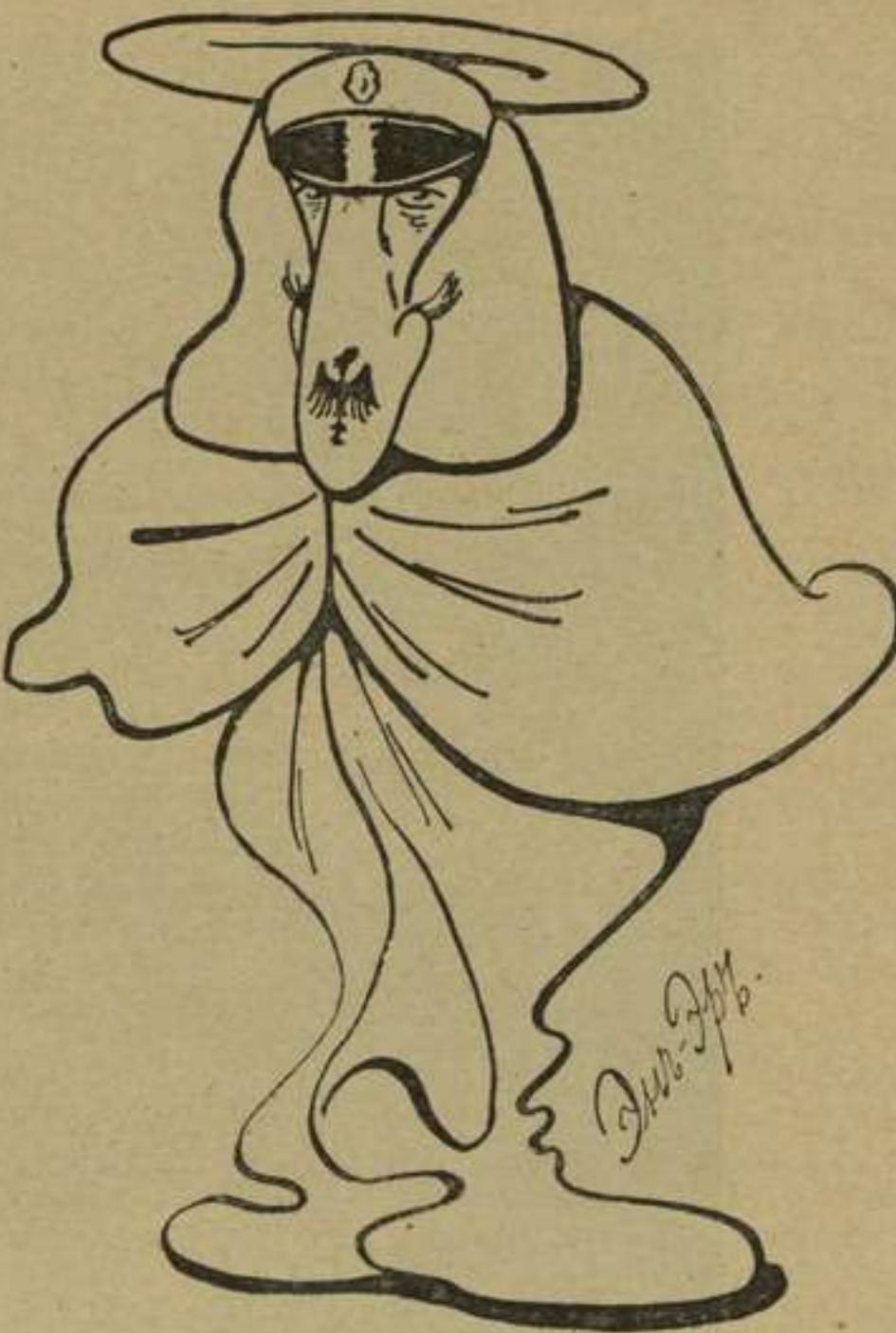
12 сентября исполнилось ровно годъ со дня открытия въ Петроградѣ едва ли не наибольшего интересного по своему оборудованію и постановкамъ лечебного дѣла частнаго лазарета для раненыхъ воиновъ. Лазаретъ на 50 офицерскихъ и 20 солдатскихъ кроватей возникъ во мысли В. П. и Ю. Л. Кенінъ, при ихъ сахарномъ завѣдѣ. Предоставивъ подъ офицерское отдѣленіе весь свой только что отѣланный заново роскошный особнякъ, В. П. и Ю. Л. пришли на себя и всѣ расходы по оборудованію и содержанию лазарета на время войны.

Медицинская часть сосредоточена въ рукахъ д-ра мед. А. В. Виндельбанды, являющагося главнымъ врачомъ. Онъ раздѣляетъ свой трудъ съ врачами-специалистами: хирургомъ А. К. Шенкомъ и невропатологомъ В. В. Срезневскимъ. Наиболѣе интересной и рѣдкой стороной оборудования лазарета является электролечебный кабинетъ. Благодари широкимъ средствамъ и въ высшей степени серьезному отношенію къ дѣлу со стороны врачей, направляемыхъ А. В. Виндельбандомъ, и ихъ энергіи—здесь сосредоточено все, что даетъ электротехника медицину. Для хирурга здѣсь имѣется рентгеновский кабинетъ, для невропатолога всѣ приборы для электролечения вплоть до токовъ д'Арсонвала. Благодари этому лазаретъ легко справляется съ самыми тяжелыми случаями раненій и контузій.

Режимъ лазарета, строго подчиненный требованіямъ науки, вполнилъ приближеніе къ домашнему. Особенное же внимание обращается на питаніе больныхъ— здоровое, обильное, быстро восстанавливающее силы. Въ распоряженіи больныхъ предоставленъ садъ, находящійся при дѣлѣ. Для слабыхъ—его илюзія въ видѣ замытого сада. Тяжело больные изолируются въ особыхъ палатахъ, изъ которыхъ имъ нѣть падобности выходить даже на время вентиляціи помѣщеній, такъ какъ всѣ помѣщенія лазарета вентилируются механически, нагнетаніемъ озонированного воздуха.

Весь уходъ за больными лежитъ на ровне, благодаря энергіи, вниманию и сестрахъ-добровольцахъ, работающимъ подъ руководствомъ двухъ зарета, единственный девизъ котораго: старшихъ сестеръ—А. А. Тарасюковой и М. И. Таммы. За годъ работы въ лазаретѣ обернулось 378 больныхъ, съ самыми разнообразными заболеваниями и раненіями. Бывали даже случаи раненія сердца—но и эти больные, случайно уѣхавшіе до эвакуаціи, попавъ сюда, поправлялись и возстановляли свое здо-

НОВАЯ НѢМЕЦКАЯ ИГРУШКА

Made in Germany!

Редакторъ М. Н. Мазаевъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

СТРАДАЮЩИМ

запорами, геморроемъ
рекомендуется Стомоксигенъ д-ра Антона
Мейера. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ
легко, normally и прѣтно и действуетъ всегда
одинаково. Это средство надежное, совершенно
безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по
рецептамъ врачей. Остерегайтесь подѣлокъ.
На оригиналѣ коробки имя д-ра Антона
Мейера и адресъ Екатерин. кан., 29, выписано
полностью. Лабораторіи: Лондонъ,
Парижъ, Нью-Йоркъ.

ЖЕЛУДКОМ

Новая книга В. Опочинина:

Трезы и Жизнь.

Античные эскизы. Отклики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія.

Цѣна 1 рубль. 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время», Попова и друг.

Обложка Г. Нарбута.

Издательство «Лукоморье».

НОВАЯ КНИГА

ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:

„ПЪ КНИГИ ЖИЗНІ“

(юмористические разсказы).

Продается въ магазинахъ «Новое Время»

Цѣна 1 рубль.

УДОЛЬФСКІЯ ТАЙНЫ

Романъ въ 2-хъ томахъ Анны Радклиффъ.

Переводъ съ англійскаго Л. ГЕІ. — Издание А. С. Суворина. — Цѣна 3 рубля.

Цѣна 20 коп.

